

ISSN 0202-151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1988

1

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1988

1

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

акад. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*),
акад. АН УзССР А. А. АСКАРОВ, акад. АН УзССР
С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕ-
РОВ, акад. АН УзССР К. И. ЛАПКИН, акад. АН УзССР
Г. А. ПУГАЧЕНКОВА (*зам. главного редактора*), чл.-кор.
АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, чл.-кор. АН УзССР
Р. Х. АМИНОВА, чл.-кор. АН УзССР П. Г. БУЛГАКОВ,
чл.-кор. АН УзССР Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редак-
тора*), чл.-кор. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, чл.-кор. АН
УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, чл.-кор. АН УзССР А. Х. ХИК-
МАТОВ, доктор филол. наук А. П. КАЮМОВ, доктор ист.
наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редактора*), доктор ист.
наук Р. Я. РАДЖАПОВА, доктор юр. наук Х. Р. РАХМАН-
КУЛОВ, доктор ист. наук Г. Р. РАШИДОВ, доктор филос.
наук Т. С. САИДБАЕВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.*

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Г. П. Негматова*

Сдано в наор 4.02.88. Подписано к печати 1.03.88. P01551. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типо-
графская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,20. Уч.-изд. л. 5,1.
Тираж 909. Заказ 51. Цена 65 к.

Издательство «Фан» УзССР. 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР. Ташкент, проспект М. Горького, 79.

©Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1988 г.

Решения партии — в жизнь!

Н. М. ФАЙЗИЕВ, Г. И. АХМЕДЖАНОВА

**О ПОВЫШЕНИИ РОЛИ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ
В СИСТЕМЕ ПЛАНИРОВАНИЯ**

Одним из органических элементов и необходимым условием социально-экономического развития страны является постоянное совершенствование системы управления народным хозяйством, приведение ее в соответствие с новыми задачами и требованиями процессов ускорения и перестройки. Современный этап работы по улучшению хозяйственного механизма характеризуется качественно новыми чертами, и прежде всего — комплексностью, глубокой научной проработкой принимаемых решений, их тщательной экспериментальной проверкой.

Как подчеркивается в документах XXVII съезда КПСС и XXI съезда Компартии Узбекистана, последующих Пленумов ЦК КПСС и ЦК КПУз, перестройка управления — переход к преимущественно экономическим методам руководства и современным организационным структурам управления — рассматривается сегодня как первоочередная социально-политическая и хозяйственная задача.

Назрела необходимость создания целостной, эффективной, гибкой системы управления экономикой. Жизнь убедительно показала, что система управления, заложенная в 30-е годы, основанная на жестком централизме, детальном регламентировании работы, директивных адресных заданиях и бюджетных ассигнованиях, пришла в острое противоречие с условиями и потребностями экономического развития.

Как указывалось на VI пленуме ЦК КПУз (август 1987 г.), «необходимо не только в краткие сроки перейти от административно-нажимных к преимущественно экономическим методам управления, но и параллельно с этим, а во многом благодаря этому резко поднять эффективность общественного производства»¹.

Необходимость перенесения центра тяжести с экстенсивных методов на интенсивные, с количества на качество, усиление влияния социальных условий, резкое возрастание человеческого фактора требуют коренных преобразований системы и методов хозяйственного управления на всех уровнях, перехода к широкой демократизации управления. Такой переход, в частности, включает:

1) резкое расширение самостоятельности объединений, перевод их на полный хозрасчет и самофинансирование, установление прямой зависимости уровня доходов коллектива от эффективности его работы;

2) коренную перестройку централизованного руководства экономикой, сосредоточение его на главных процессах, определяющих стратегию, качество, темпы и пропорции хозяйства в целом, освобождение центра от вмешательства в оперативную деятельность нижестоящих хозяйственных звеньев;

3) кардинальную реформу планирования, ценообразования, финан-

¹ Правда Востока. 1987. 11 авг.

сово-кредитного механизма, перестройку управления НТП, социальными процессами.

Хозрасчет и самофинансирование предполагают коренные изменения в характере планирования, деятельности предприятий. Принципиально новым является то, что предприятия будут не только самостоятельно разрабатывать, но и сами утверждать пятилетние планы своего экономического и социального развития, а на их базе — годовые планы.

По нашему мнению, для объединений расширение прав в планировании должно заключаться в том, что при разработке планов вышестоящими плановыми органами должны учитываться предложения к проектам планов предприятий. Утвержденные планы должны соответствовать их реальным возможностям. Интересы же предприятий следует сориентировать прежде всего на увеличение прибыли, от величины прироста которой прямо зависят размеры фондов материального поощрения, развития производства и социального развития.

Возрастающая роль социальных факторов в механизме хозяйствования, в планировании и контроле за ходом выполнения планов требует существенного расширения горизонта социально-экономического мышления руководящих кадров, умелого использования ими социальных резервов повышения производительности труда.

На январском (1987) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев отмечал, что «в последние пятилетки социальная направленность экономики оказалась явно ослабленной, появилась своеобразная глухота к социальным вопросам». Надо, указывал М. С. Горбачев, «быстрее преодолеть образовавшийся разрыв между уровнями развития производственной и социальной сфер»².

На июньском (1987) Пленуме ЦК КПСС также говорилось о том, что должна быть полностью изжита «старая привычка подхода к решению социальных проблем на основе остаточного принципа...»³ В постановлении Пленума «Основные положения коренной перестройки управления экономикой» сказано, что радикальная реформа управления экономикой страны нацелена на:

« — переориентацию экономического роста с промежуточных на конечные, социально значимые результаты, на удовлетворение общественных потребностей;

— органическое сочетание интересов общества, коллектива и каждого работника, всестороннее развитие человека, достижение качественно нового уровня благосостояния советских людей»⁴.

Все это предъявляет новые требования к составлению годовых и перспективных планов на всех уровнях, к системе планирования в целом.

В этой связи следует отметить, что получившие распространение в нашей политической и научной литературе термины «планы экономического и социального развития», «социальная программа партии и улучшение социальных условий» имеют своей основой понимание социального как определенной сферы общественной жизни, специфической области общественных отношений. Социальные разделы комплексных планов экономического и социального развития предприятий (объединений), согласно методике Госплана СССР, посвящены преимущественно улучшению условий труда и охраны здоровья трудящихся, обеспечению их жильем, детскими учреждениями, рациональному использованию как централизованно выделенных средств, так и собственного фонда соцкультбыта предприятия.

Все эти моменты, разумеется, входят в план социального развития

² Правда. 1987. 28 янв.

³ Там же. 26 июня.

⁴ Там же. 27 июня.

коллектива, а в более широком определении являются важной составной частью социального развития советского общества. Однако такое понимание, на наш взгляд, страдает известной односторонностью, поскольку забота общества, трудового коллектива о человеке рассматривается вне достаточной связи с возрастанием трудовой активности членов общества, т. е. ростом тех источников, которые повышают жизненный уровень трудящихся.

Как известно, социальные отношения — это отношения внутри социальной структуры общества, прежде всего отношения между классами, социальными группами, профессиональными группами и т. д., вплоть до индивида как последнего «кирпичика» социальной структуры. Понятие социальных отношений неразрывно связано с понятием социально-классовой структуры общества, которая включает как деление его на классы, группы, так и отношения между этими элементами. Стратегическая цель социальной политики КПСС — достижение полной социальной однородности общества и всестороннее развитие личности.

Из сказанного вытекает, что сфера социального развития пронизывает и экономическую, и политическую, и духовную сферу общественной жизни, составляя важную сторону, аспект каждой из них. Вот почему в марксистско-ленинской теории говорится о социально-экономической формации, о социально-политическом, социально-культурном развитии общества.

Социальные аспекты хозяйственного механизма включают как отношения между классами, профессиональными группами, так и систему экономических, политических, нравственных стимулов, побуждающих индивида, группу, слой к активности в трудовой сфере и других областях общественной жизни. Поэтому социальные разделы комплексных планов развития коллективов предприятий, а также территориальных единиц (районов, городов, областей, республик) должны включать меры по повышению квалификации работников, обеспечению полноценного пополнения коллективов и стабилизации их состава (эти разделы в Методике Госплана СССР выделяются сейчас как разделы по труду), а также по улучшению организации труда и производства, более рациональному использованию работников и т. д. Иначе говоря, комплексные планы экономического и социального развития должны всемерно ориентироваться на усиление их социальной направленности, на выявление, мобилизацию и использование социальных ресурсов, которые имеются в каждом трудовом коллективе, но используются при действующем хозяйственном механизме совершенно недостаточно.

В настоящее время все более актуальным становится расширение участия объединений, предприятий в решении важнейших социальных задач. Так, на уровне предприятий задача обеспечения населения жильем решается в основном за счет средств фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства (ФСКМиЖС). Поскольку ФСКМиЖС создается самими трудящимися и при выполнении плана отчисления в него возрастают, это способствует заинтересованности каждого работника и трудового коллектива в целом в повышении конечных результатов их трудовой деятельности. В ходе экономического эксперимента большинство предприятий принимают решение использовать дополнительные отчисления в ФСКМиЖС в первую очередь на улучшение жилищного обеспечения трудящихся данных коллективов. Причем размер средств отчислений ФСКМиЖС поставлен в полную зависимость от прибыли предприятий. Рост прибыли на 1% позволяет увеличить ФСКМиЖС на 4%⁵. Увеличение размеров этого фонда следует рассматривать как один из действенных методов экономического

⁵ Экономическая газета. 1985. № 52. С. 17.

стимулирования высоких конечных результатов, которые находятся в прямой зависимости от роста средств, направляемых на повышение жизненного уровня трудящихся данных предприятий.

Реализация социальной программы должна осуществляться как на отраслевом, так и на территориальном уровне управления. Применение территориального подхода к социальному развитию даст возможность учесть и предвидеть последствия влияния характерных особенностей данного региона.

На сегодняшний день отношения между предприятиями и местными Советами носят внеэкономический характер: предприятия обязаны представлять на рассмотрение Советов основные показатели планов, согласовывать лимиты на строительство различных объектов непродуцированной сферы. Значительным препятствием в повышении действенности территориального планирования является слабость экономических методов воздействия на размещение производства, экономическое и социальное развитие территорий. Не учитываются территориальные интересы в хозяйственной работе предприятий, в принципах формирования местных бюджетов и при использовании других экономических рычагов.

В перспективе местные Советы должны прежде всего принимать участие в выработке экономических нормативов, регламентирующих условия использования предприятиями местных природных ресурсов, активно содействовать предприятиям при заключении договоров, организовать кооперацию предприятий в использовании отходов и вторичного сырья, проводить централизацию средств для природоохранного и инфраструктурного строительства. В условиях создания у местных Советов достаточно мощной строительной базы и концентрации в их руках жилищно-гражданского строительства для предприятий окажется выгодным передавать часть своих фондов на социально-культурное и жилищное строительство в порядке долевого участия.

Во многих публикациях расширение прав предприятий в планировании в условиях экономического эксперимента трактуется как уменьшение количества утвержденных сверху показателей, повышение роли экономических нормативов, предоставление самостоятельности в использовании фондов экономического стимулирования. Однако, как показывает практика, в целом утверждаемых показателей еще не стало меньше, чем до проведения эксперимента.

Ужесточение требований к соблюдению договорных обязательств повышает роль обоснованности и сбалансированности принимаемых планов. Существенная причина установления нереальных планов — отсутствие в них показателей численности рабочих мест и рабочей силы. Министерствам и ведомствам при определении заданий предприятиям надлежит учитывать и разрабатывать балансы рабочих мест, что позволит улучшить трудовую, договорную дисциплину, использование производственных мощностей и повысить эффективность производства.

В системе мер по совершенствованию управления особое место занимает качество планирования. Активизация роли предприятий в составлении и выполнении государственных планов заключается в том, что они включаются в такую взаимосвязанную систему экономических, материальных условий, при которых они объективно заинтересованы в увеличении выпуска продукции при минимальных затратах. Как показала практика, увеличение периода работы над проектом плана позволит организовать более тщательную проработку и обсуждение его в трудовых коллективах, осуществить меры по ликвидации узких мест, заключать договоры до начала планируемого года, подготовить производство к выпуску высококачественных изделий.

Определяющее значение среди показателей, централизованно уста-

навливаемых предприятию, имеют задания по производству продукции в натуральном выражении. В пятилетнем плане это — производство основных видов продукции, а в годовом плане — более развернутый перечень наименований изделий. Стоимостные показатели отстают на второй план. Но надо уловить структурные сдвиги, обеспечить соблюдение конкретных запросов потребителей.

Важным директивным показателем в пятилетнем и годовом планах являются задания по внедрению прогрессивной технологии, механизации и автоматизации производственных процессов. Вместе с тем практикуемые методы планирования не решают в должной мере проблемы ускорения научно-технического прогресса, ибо показатели этого ускорения не стали органической частью всех разделов государственного плана, не легли в его основу. По-прежнему параллельно действуют две системы планирования производства и внедрения новой техники, обновления продукции. Обеспечение их органического единства имеет важное социальное значение.

Социальное планирование призвано обеспечить приоритет целей социального прогресса, ибо основная задача общества — создание человеку самых благоприятных условий для труда, отдыха, развития всех своих способностей и дарований.

Возрастающая роль социальных факторов в хозяйственном строительстве, в механизме хозяйствования, в планировании и контроле за ходом выполнения планов требует максимально полного использования социальных резервов повышения производительности труда. При этом надо твердо помнить, что перестройка, как указывалось на январском (1987) Пленуме ЦК КПСС, — «это приоритетное развитие социальной сферы, все более полное удовлетворение потребностей советских людей в хороших условиях труда, быта, отдыха, образования и медицинского обслуживания; это постоянная забота о духовном богатстве, культуре каждого человека и общества в целом; это способность сочетать решение масштабных, кардинальных проблем жизни общества с решением текущих вопросов, волнующих людей»⁶.

⁶ Правда. 1987. 27 янв.

Г. ЮСУПОВА

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПРОМЫШЛЕННОСТИ УзССР И ВОПРОСЫ ЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В принятых XXVII съездом КПСС Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года предусмотрено «совершенствовать территориальную структуру общественного производства, обеспечивать рациональное сочетание экономического и социального развития в каждой союзной республике и каждом экономическом районе, улучшать их взаимодействие в едином народнохозяйственном комплексе страны»¹.

Реализация этих задач особенно актуальна применительно к условиям трудообеспеченных регионов, к которым можно отнести Узбекскую ССР с благоприятными природно-климатическими условиями, наличием богатых минерально-сырьевых ресурсов, значительных массивов целинных земель, высокими, втрое превышающими среднесоюзные показатели, темпами роста трудовых ресурсов, позволяющими повысить вклад республики в общесоюзное производство.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 317.

Необходимость совершенствования территориальной структуры промышленности Узбекистана обусловлена также задачами более полного удовлетворения потребностей народного хозяйства и населения в промышленной продукции, обеспечения рациональной занятости быстрорастущих трудовых ресурсов и повышения материального благосостояния трудящихся, а также выравнивания уровня индустриального развития экономических районов и областей республики.

В этой связи важное значение приобретает проблема совершенствования территориальной структуры промышленного производства Узбекистана.

Узбекская ССР имеет в целом развитую многоотраслевую индустрию, дающую 2,7% валовой продукции промышленности СССР, выступает в общесоюзном территориальном разделении труда главным производителем в стране хлопка, шелка-сырца, каракулевых смушек, кенафа, овощей, фруктов.

Республика дает 61,5% хлопка-сырца, свыше 50% шелка-сырца, 33,0% каракуля, производимых в стране. В 1985 г. здесь было получено 1536,6 тыс. т зерновых, 2353,0 тыс. т овощей, 627,4 тыс. т плодов и ягод, 630,9 тыс. т винограда и т. д.²

На долю Узбекской ССР приходится все общесоюзное производство хлопкоуборочных машин, хлопкоочистителей, тракторных хлопковых сеялок, ровничных машин, 38,6% прядильных машин, 22,2% мостовых электрических кранов, 14,8% растительного масла, 10% плодоовощных консервов. На душу населения республики производится шелковых тканей в 1,3 раза, растительного масла — в 2,3, плодоовощных консервов — в 1,6 раза больше, чем в среднем по СССР³.

Эти результаты достигнуты благодаря ускоренным темпам развития промышленного потенциала УзССР. На долю промышленности ныне приходится свыше половины валового общественного продукта республики (57,7%), 35,1% основных производственных фондов и 66,3% населения, занятого в материальном производстве республики. Объем промышленного производства за 1970—1985 гг. возрос в 2,4 раза, а численность занятых в промышленности — более чем в 1,8 раза.

Расширился ассортимент и увеличилось производство различных видов промышленной продукции. За рассматриваемый период, например, производство сборных железобетонных конструкций и деталей возросло в 2,1 раза, шелковых тканей — в 3,0, кожаной обуви — более чем в 1,9, цельномолочной продукции — в 2,5 раза⁴ и т. д.

Более высокими темпами развивались отрасли промышленности, определяющие научно-технический прогресс, — электроэнергетика, топливная, машиностроение и металлообработка, химическая и нефтехимическая промышленность. Быстрый рост их позволил значительно улучшить отраслевую структуру промышленности. Удельный вес этих отраслей в общем объеме промышленного производства повысился с 28,2% в 1970 г. до 29,7% в 1985 г. В то же время, несмотря на сравнительно невысокие темпы развития легкой и пищевой отраслей, они продолжают занимать значительный удельный вес — 54,5% в 1985 г. против 55,3% в 1970 г.

Отраслевые сдвиги в промышленном производстве оказывают дифференцированное воздействие на индустриальное развитие областей, определяют прогрессивные изменения в территориальной структуре.

² Узбекистан за годы XI пятилетки (1981—1985 гг.): Стат. сб. Ташкент, 1986. С. 36.

³ Рассчитано по данным статсборников: Народное хозяйство СССР в 1985 г. М., 1986. С. 135, 137—139; Народное хозяйство УзССР в 1985 г. Ташкент, 1986. С. 54, 154.

⁴ Узбекистан за годы XI пятилетки... С. 27—29.

Причем выявилась положительная тенденция в развитии и размещении отраслей промышленности на основе опережающего роста областей и районов, располагающих перспективными землями и минерально-сырьевыми ресурсами и имеющих высокую трудообеспеченность. Так, за 1970—1985 гг. производство промышленной продукции увеличилось в ККАССР в 2 раза, в Наманганской — в 2,7, в Сырдарьинской — в 3,1, в Кашкадарьинской — в 3,8, в Джизакской — в 4,0 раза. Соответственно вырос их удельный вес в промышленной продукции республики. Так, в 1970 г. доля Андижанской области в общем объеме валовой продукции составила 5,5, а в 1985 г. — 6,5%, в Наманганской — соответственно 3,6 и 4,8, в Кашкадарьинской — 3,5 и 6,0%.

Обеспечен значительный рост экономического потенциала и уровня развития ККАССР и областей: приблизились или превысили средне-республиканский уровень ККАССР. Сырдарьинская, Джизакская, Кашкадарьинская, Наманганская, Бухарская, Хорезмская области. Созданы новые отрасли, усложнилась отраслевая структура промышленности в Навоийской, Самаркандской областях. В Андижанской, Наманганской и Ферганской областях, высокообеспеченных трудовыми ресурсами, введен в эксплуатацию ряд крупных предприятий машиностроения и легкой промышленности.

Вместе с тем сохраняются еще существенные недостатки в размещении промышленности по территории республики, что определяет различный уровень промышленного развития областей, некомплексный характер их развития. Несмотря на высокие темпы роста промышленности в ряде областей, их удельный вес в промышленном производстве остается невысоким. Значительная доля его по-прежнему сосредоточена в Ташкенте и Ташкентской области, сравнительно развитой является Ферганская область. Относительно невысокий уровень развития промышленности характерен для Кашкадарьинской, Сурхандарьинской, Хорезмской, Наманганской, Андижанской областей, а также ККАССР. Но именно в этих областях, по расчетам специалистов, сосредоточены значительные природные ресурсы.

На шесть указанных выше областей, где проживает свыше 40% населения и 37% занятых в республике, приходится всего 31% объема национального дохода и основных производственных фондов промышленности, в то время как на две высокоразвитые области: Ташкентскую и Ферганскую, где проживает 34% всего населения УзССР и 38% занятых в народном хозяйстве республики, приходится свыше 44% национального дохода и 42% основных производственных фондов промышленности.

Промышленность слаборазвитых ККАССР, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской, Хорезмской, Наманганской, Андижанской областей представлена отраслями, производящими первичную переработку сельскохозяйственного сырья: хлопкоочистительной, шелкомотальной, кожевенной, маслобойной, а из отраслей тяжелой промышленности — лишь металлоремонтными предприятиями и промышленностью строительных материалов. Так, на долю хлопкоочистительной промышленности в 1985 г. приходилось в ККАССР — 50%, в Кашкадарьинской — 51%, в Сурхандарьинской — 56% всего объема валовой продукции обрабатывающей промышленности.

В некоторых областях значительный удельный вес имеют электроэнергетика (Сырдарьинская, Навоийская области), топливная (Кашкадарьинская), химическая (Навоийская), промышленность строительных материалов (Джизакская).

В ККАССР и Сурхандарьинской области производство чистой продукции на одного трудоспособного более чем в четыре раза отстает от уровня производства в Ташкентской области и в 2,5 раза — от сред-

него по республике. Максимальный разрыв между областями Узбекистана по производству чистой продукции промышленности на одного трудоспособного возрос на 50%.

Если за 1975—1985 гг. темпы роста производительности труда в целом по промышленности Узбекистана составили 19%, то по Сырдарьинской — 22%, Навоийской — 38, Наманганской — 23, по г. Ташкенту — 50%, а по Кашкадарьинской — лишь 0,3%, Джизакской — 3%, Ферганской — 8%. Следует отметить, что за этот период снизились темпы роста производительности труда в ККАССР, Андижанской, Бухарской, Хорезмской областях.

Такие территориальные различия обусловлены не только неравномерностью размещения и недостаточным развитием промышленного производства, особенно отраслей, определяющих научно-технический прогресс, неодинаковым техническим уровнем и организацией производства, особенностями отраслевой структуры и уровнем эффективности, но и различиями в составе населения, в степени использования трудовых ресурсов и их профессиональной подготовки.

Острая потребность предприятий в рабочих кадрах ведет к привлечению их в производство без соответствующей подготовки или при слабой квалификации, что затрудняет их культурно-технический и производственный рост. Это сказывается на производстве, снижая возможность ускорения ввода новых мощностей, совершенствования техники и технологии, роста производительности труда, улучшения качества и снижения себестоимости продукции.

Обеспечение потребностей промышленности в квалифицированной рабочей силе требует значительного расширения ее подготовки в профессионально-технических училищах, особенно для машиностроения, текстильной и других индустриальных отраслей, а также для системы агропромышленного комплекса, улучшения работы по комплектованию контингента учащихся, повышения качества обучения. Не менее важны рациональное размещение сети профтехучилищ, укрепление их учебной и материально-технической базы, преподавательских кадров.

Решению данной проблемы, по нашему мнению, должно способствовать оптимальное сочетание подготовки рабочих кадров в Европейской части СССР с ускоренным развитием профтехобразования внутри республики. Обучение молодежи в Европейской части СССР решит проблему загрузки профтехучилищ РСФСР, Украины и других центральных районов, с одной стороны, а с другой, — подготовки для нашей республики достаточно квалифицированных кадров современных специальностей под руководством опытных педагогов.

Ускоренное развитие профтехучилищ в самой республике обеспечит профессиональную подготовку в основном сельской молодежи для ряда индустриальных отраслей и АПК.

Взятый партией курс на интенсификацию и ускорение научно-технического прогресса будет сопровождаться изменениями структуры промышленного производства. Эти изменения в перспективе надо предвидеть и правильно учитывать при определении направлений дальнейшего развития экономических районов и областей, что будет способствовать правильному развитию и размещению производительных сил республики в целом. Поскольку экономическое развитие районов и областей обусловлено в первую очередь социально-экономическими задачами республики, совершенствование территориальной структуры промышленности должно предусматривать не только выравнивание уровня индустриального развития всех областей, но и полное использование трудовых и природных ресурсов в каждом районе с тем, чтобы с наименьшими затратами подтянуть индустриальный уровень развития отстающих районов, приближая их промышленность к сырьевой базе и местам потребления.

Ускоренное развитие производительных сил и успешное решение социальных проблем не могут эффективно осуществляться без совершенствования территориальной структуры, рационального размещения отраслей промышленности по районам и областям республики.

Решение проблемы рациональной занятости населения и совершенствование территориальной структуры промышленности республики, на наш взгляд, должны идти путем:

— обеспечения первоочередного развития отраслей специализации с более полным использованием производственных мощностей и увеличением вклада каждой области, района в развитие экономики республики в соответствии с имеющимися природно-экономическими условиями и ресурсами;

— ускоренного развития отраслей, определяющих научно-технический прогресс (радиоэлектроника, приборостроение, электротехническая и другие отрасли машиностроения);

— развития трудоемких отраслей легкой промышленности (хлопчатобумажной, шелковой, трикотажной, швейной и др.), создающих условия для более полной занятости трудоспособного населения на основе комплексного и эффективного использования сырьевых и других ресурсов;

— совершенствования форм территориальной организации — создания и развития новых промышленных узлов, территориально-производственных комплексов (Кашкадарьинского, Нижнеамударьинского, Джизакского), структура отраслей которых будет определяться наличием той или иной группы квалифицированных кадров, направлением производственной специализации с учетом народнохозяйственных интересов;

— создания в малых городах и сельских районах узкоспециализированных филиалов и средних предприятий перерабатывающей промышленности на высокой технической основе, в том числе пищевой, мясо-молочной, легкой, филиалов и цехов машиностроительных предприятий, промышленности строительных материалов, предприятий местной промышленности, художественных промыслов. Целесообразно, чтобы эти предприятия создавались с учетом углубления их специализации, развития кооперированных связей;

— усиления профессиональной подготовки трудовых ресурсов, особенно из местного населения, правильного определения профиля и рационального размещения сети профтехучилищ, создания учебных центров на базе их филиалов. Всю эту работу следует вести в духе решений февральского (1988) Пленума ЦК КПСС.

Преимущественное развитие трудоемких отраслей промышленности на базе комплексного использования местного сырья позволит не только решить проблему занятости местного населения, но и повысить уровень комплексного развития областей за счет производства той продукции, которая необходима населению и народному хозяйству республики и обеспечена соответствующими сырьевыми ресурсами.

М. Б. УСМАНОВ

ПРАВО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ СЕМЕЙНОГО ПОДРЯДА

Последовательное осуществление курса на всемерную интенсификацию земледелия, намеченного XXVII съездом партии и последующими Пленумами ЦК КПСС, создало и создает благоприятные предпосылки для решительного и повсеместного перехода на новые методы хозяйствования, широкое развитие производственной активности сельских тружеников.

В переходе на новые методы хозяйствования в сельском хозяйстве важную роль сыграло постановление ЦК КПСС «О неотложных мерах по повышению производительности труда в сельском хозяйстве на основе внедрения рациональных форм его организации и хозрасчета»¹, в соответствии с которым внедряются хозрасчетные отношения на всех уровнях сельскохозяйственного производства, коллективный подряд и другие прогрессивные формы организации труда.

Экономические нововведения в сельском хозяйстве все шире входят в жизнь. Так, анализ развития сельского хозяйства последних лет показывает, что «его оживление стало возможным, — как отмечал М. С. Горбачев на июньском (1987) Пленуме ЦК КПСС, — благодаря изменению экономических условий, методов хозяйствования, прежде всего внедрению полного хозрасчета, коллективного и семейного подряда»².

Внедрение коллективного и семейного подряда позволяет гибко управлять производственными процессами и, наконец, полностью перейти на хозрасчет и систему самофинансирования.

Среди различных подрядных форм (бригадной, звеньевой и т. д.) организации труда в земледелии лучше проявляет себя семейный подряд, на основе которого за семьей закрепляются земля, техника и другие средства производства.

Семейный подряд в республике распространен и оправдал себя в овощеводстве, кормопроизводстве, хлопководстве³.

В связи с тем, что семейный подряд как новая форма организации труда и новый метод хозяйствования в сельском хозяйстве успешно развивается и что во многих случаях при этом основным средством производства является земля⁴ и использование ее на основе семейного подряда в сельском хозяйстве в отличие от других видов землепользования в СССР (например, приусадебное, полевое и др.) имеет свои характерные черты, вопросы изучения права землепользования на основе семейного подряда, несомненно, представляют большой интерес.

Необходимость изучения этих вопросов обосновывается и тем, что данная область права землепользования мало изучена в специальной литературе и неполностью отражена в действующем земельном законодательстве.

Следует подчеркнуть, что право землепользования на основе семейного подряда не является особым институтом земельно-правовых отношений, а потому его «природа» специально не регулируется земельным законодательством. Несмотря на это, складывающиеся в последнее время обстоятельства в землепользовании, т. е. все более широкое использование земли на основе семейного подряда и в связи с этим возникновение массы различных земельно-правовых отношений (например, вопросы возникновения права землепользования на основе семейного подряда, субъектов, прав и обязанностей членов семьи и др.), дают нам основания говорить о существовании права землепользования на основе семейного подряда.

¹ Правда. 1986. 18 дек.

² Там же. 1987. 26 июня.

³ В подрядных коллективах по сравнению с обычными уровень производительности труда повышается в 1,5, а в отдельных случаях — в 2—3 раза. См.: Правда Востока. 1987. 12 февр.

⁴ Раскрывая хозяйственно-правовой характер семейно-подрядного метода землепользования, надо отметить, что внедрение семейного подряда в земледелие приведет к интенсификации сельскохозяйственного производства, сущность которой заключается в получении наибольшего количества продукции с каждого гектара земли при наименьших затратах труда и средств, а также то, что этот метод является эффективным средством вовлечения широких слоев населения в сферу сельскохозяйственного производства.

Основная сущность этого права заключается в том, что оно как следствие договорных отношений входит в понятие института внутрихозяйственного землепользования сельскохозяйственных предприятий.

Право землепользования на основе семейного подряда как особый вид внутрихозяйственного землепользования имеет свои особенности.

Во-первых, это право осуществляется на договорных началах.

Во-вторых, право землепользования на основе семейного подряда отличается от общепринятого понятия права землепользования юридических и физических лиц в советском земельном праве тем, что здесь земля не отводится землепользователям-семьям, а закрепляется за ними на определенный срок.

В-третьих, в данном случае субъекты землепользования (семьи) не являются первичным или вторичным субъектом права землепользования, ибо субъектами (первичными или вторичными) права землепользования в каждом конкретном случае, в соответствии со ст. ст. 7 и 12 Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик, выступают колхозы, совхозы, межхозяйственные предприятия (объединения) и др. Временность использования земли на основе семейного подряда не аналогична понятию предоставления земли во временное пользование, ибо последнее осуществляется, в соответствии со ст. 28 Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик, по решению исполнительного комитета районного Совета народных депутатов.

В-четвертых, закрепление земельного участка за семьей на основе семейного подряда не приводит к изменению внутрихозяйственного землеустройства. При этом не ведется в полном смысле землеустроительная работа и не утверждается проект внутрихозяйственного землеустройства, а лишь определяется площадь закрепляемого земельного участка.

В-пятых, право землепользования на основе семейного подряда является дополнительным правом граждан по землепользованию, поскольку семья, сохраняя право на приусадебное землепользование, получает и право на использование земельного участка на основе семейного подряда.

Основание возникновения права землепользования на основе семейного подряда — наличие административно-правового акта, т. е. акта о заключении сторонами предусмотренного в законном порядке договора семейного подряда.

Изучение практики деятельности колхозов и совхозов показывает, что договор семейного подряда заключается между правлением колхоза (администрацией совхоза) и семьей колхозника (рабочего совхоза) или между правлением колхоза (администрацией совхоза) и семьями других граждан с согласия бригадира, в бригаде которого будет работать семья. Значит, сторонами договора семейного подряда выступают колхоз (совхоз) и семья колхозника (рабочего совхоза) или семьи других граждан.

Надо сказать, что договор семейного подряда в земледелии заключается в письменном виде. При этом желающие заключить договор с колхозом (совхозом) подают заявления на имя правления колхоза (администрации совхоза) для выделения земельного участка. В заявлениях о заключении договора семейного подряда в земледелии, как правило, указываются размер земельного участка, цель его использования и место его расположения (сколько гектаров и в какой бригаде).

Закрепление и использование земельного участка по договору семейного подряда становятся земельными правоотношениями лишь в том случае, если этот факт зарегистрирован административно-правовым

актом о закреплении земли за семьей колхозника (рабочего совхоза) или других граждан. Этот документ удостоверяет право пользования закрепленным за семьей земельным участком.

Изучение практики показало, что субъектами права землепользования на основе семейного подряда являются: семьи колхозников; семьи рабочих совхозов; семьи специалистов колхозов и совхозов, проживающих и работающих в данном колхозе или совхозе; семьи других специалистов, проживающих на территории колхоза или совхоза, — врачи, учителя, инженеры и т. п.; семьи граждан, не являющихся членами данного колхоза (рабочими данного совхоза) и не проживающие на территории колхоза (совхоза). Значит, по характеру, социальному положению и по отношению к колхозу (совхозу) субъекты права землепользования на основе семейного подряда можно сгруппировать, на наш взгляд, в следующие виды:

1. Семья колхозника. Имеет право пользоваться колхозной землей на основе семейного подряда. При этом она полностью подчиняется внутреннему распорядку данного колхоза, соблюдает Устав колхоза, земельное законодательство и другие нормативные акты, касающиеся деятельности данного колхоза.

2. Семья рабочего совхоза. Пользуется землей в пределах совхоза, в котором она работает и проживает. Соблюдает трудовое законодательство и требования земельного законодательства.

3. Семьи других специалистов (врачи, учителя, инженеры и т. п.), проживающие на территории данного колхоза (совхоза). Они также имеют право в свободное от основной работы время пользоваться землей колхоза (совхоза) на основе семейного подряда и обязаны соблюдать нормы земельного законодательства.

4. Граждане, не проживающие на территории данного колхоза или совхоза (в основном проживающие в городской местности), тоже имеют право пользоваться колхозными и совхозными землями на основе семейного подряда. На них также возлагается обязанность строгого соблюдения требований земельного законодательства.

Целесообразно было бы, по нашему мнению, определить правосубъектность граждан, пользующихся землей колхозов и совхозов на основе метода семейного подряда. Земельное законодательство не определяет момент возникновения земельной правосубъектности граждан. По этому вопросу среди ученых имеются разногласия: одни считают моментом ее возникновения достижение 16-летнего, другие — 18-летнего возраста. Как известно, граждане, в соответствии с п. 3 Примерного Устава колхоза, имеют право вступать в колхоз с 16-летнего возраста и, следовательно, они приобретают право на пользование землями колхоза. По нашему мнению, такое положение касается и права землепользования на основе семейного подряда.

Субъекты права землепользования на основе семейного подряда обладают правами и обязанностями по поводу использования земли, которая закрепляется за ними по договору. Эти права и обязанности вытекают из Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. ст. 11, 13, 23), Земельного кодекса Узбекской ССР (ст. ст. 24—26, 40), Примерного Устава колхоза (п. 9), уставов колхозов и других нормативных актов, касающихся землепользования колхозов и совхозов.

Перечисленные выше нормы законодательных актов определяют общие обязанности землепользователей, работающих на основе семейного подряда. Это — эффективное, рациональное использование земель, предотвращение их истощения и загрязнения. Они обязаны также соблюдать правила агротехнической обработки почв, культуры земледелия, принимать меры по борьбе с эрозией почв, проводить мелиорацию зе-

мель, осуществлять меры по недопущению заболачиваемости, засоления земель, зарастания их сорняками и т. д., обеспечению охраны, восстановления, повышения плодородия почв.

Кроме того, субъекты права землепользования на основе семейного подряда обязаны:

— использовать земельные участки только по целевому назначению;

— использовать земли высокопроизводительно, т. е. постоянно увеличивать выход продукции с единицы площади при минимальных затратах труда и средств;

— выполнять планы производства продукции по договору и повышать плодородие почв, урожайность посевных культур;

— эффективно использовать тракторы и сельскохозяйственные машины, экономно использовать горючее;

— рационально использовать воду для орошения;

— организовать охрану урожая, соблюдать требования по противопожарной охране и т. д.

Право землепользования на основе семейного подряда отличается от таких видов внутрихозяйственного землепользования, как полевое и приусадебное землепользование. Так, в соответствии со ст. 29 Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик, граждане, занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью в сельском хозяйстве, основанной на личном труде и труде членов их семей, пользуются предоставленными им участками полевой и приусадебной земли в порядке и в пределах норм, устанавливаемых законодательством союзных республик. Такое положение Основ отражено и в ст. 20 Земельного кодекса Узбекской ССР: «колхозы, совхозы и другие предприятия и организации могут предоставить закрепленные за ними земли, земельные участки другим (вторичным) пользователям».

Но эти нормы регулируют право пользования полевыми и приусадебными землями колхозников, рабочих совхозов и работников других сельскохозяйственных предприятий и организаций. Надо было бы различать полевые и приусадебные земли колхозников и рабочих совхозов от земель, закрепленных за гражданами для пользования на основе семейного подряда. Как известно, приусадебные земли предоставляются колхозникам, рабочим совхоза и другим гражданам, проживающим в сельской местности, для ведения подсобного хозяйства, сооружения жилых домов и др. Здесь выращенные сельскохозяйственные продукты являются личным имуществом указанных граждан, равно как и продукты, выращенные на полевых участках колхозников, рабочих совхозов и других граждан.

Значит, земли, закрепленные за гражданами на основе семейного подряда, отличаются от приусадебных и полевых земель тем, что в первом случае колхозы и совхозы закрепляют земли по договору не только за своими членами, но и за другими гражданами. Выращенные здесь сельскохозяйственные продукты не являются личным имуществом, а полностью сдаются колхозу или совхозу. Земли, закрепленные за гражданами на основе семейного подряда, отличаются от приусадебных и полевых земель и по срокам предоставления. Как мы уже отмечали, земли, закрепленные за гражданами на основе семейного подряда, используются временно, т. е. от посева до сбора урожая. А приусадебные земли предоставляются бессрочно.

Право землепользования на основе семейного подряда прекращается в соответствии с основными нормами земельного законодательства (ст. ст. 14—15 Основ и ст. ст. 41—44 Земельного кодекса Узбекской ССР). В основном право землепользования на основе семейного подряда прекращается с истечением срока договора, установленного согла-

шением сторон. Наиболее распространенное основание прекращения права землепользования на основе семейного подряда — возникновение необходимости изъятия земельного участка для государственных или общественных нужд.

Основанием прекращения права землепользования на основе семейного подряда, предусмотренным Основами земельного законодательства Союза ССР и союзных республик и Земельным кодексом Узбекской ССР, является также использование земельного участка не в соответствии с той целью, для которой он предоставлен. Право землепользования может быть принудительно прекращено и в случае, если землепользователь использует земельный участок для допустимой по закону цели, но не обусловленной при закреплении земли.

Кроме того, право землепользования на основе семейного подряда прекращается в случае: использования земли в целях извлечения нетрудовых доходов и применения наемного труда; самовольного отказа от использования земельного участка; бесхозяйственного использования земли и т. д.

Очевидно, вопросы права землепользования на основе семейного подряда не исчерпываются рассмотренными выше положениями. Но уже из сказанного, на наш взгляд, можно сделать некоторые выводы о правовом обеспечении данного института:

а) учитывая, что землепользование на основе семейного подряда получает все более широкое развитие, следует закрепить такое землепользование как особый вид внутрихозяйственного землепользования сельскохозяйственных предприятий в Основах и Земельных кодексах союзных республик;

б) Земельный кодекс Узбекской ССР надо дополнить нормой о порядке закрепления за семьей земельного участка на основе семейного подряда;

в) при организации труда на основе семейного подряда в сельском хозяйстве необходимо, по нашему мнению, различать договорную и земельно-правовую обязанность землепользователей (семьи). Следовательно, в земельном законодательстве надо четко отразить обязанности подрядных землепользователей, особенно семьи, и др.

Б. Р. КАРИМОВ

ДИАЛЕКТИКА СВЯЗИ И ОБОСОБЛЕННОСТИ В КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ

Многие важнейшие проблемы современного развития как в нашей стране, так и в мире в целом включают в своей основе противоречие связи и обособленности различных социально-экономических и политических образований. В связи с происходящей в стране перестройкой, опирающейся на возрастание роли человеческого фактора, важнейшее значение приобретает поиск путей оптимального сочетания централизованного управления и самоуправления, общенародных, коллективных и индивидуальных интересов при социализме. Ориентация хозяйственного механизма страны на использование полного хозяйственного расчета и повышение самостоятельности предприятий и объединений: развитие бригадных форм организации труда, включая бригадный подряд; развитие различных форм кооперативных предприятий, коллективного и семейного подряда, индивидуальной трудовой деятельности — выдвигают на первый план вопросы о допустимой мере обособления хозяйственных звеньев в рамках единого народнохозяйственного комплекса, о соотношении централизма и самостоятельности, о соответствии общенародных и ведомственных, общенародных и местных интересов, о согласованности интересов государства, коллектива и личности и др.

Актуальность исследования диалектики связи и обособленности в концепции развития особенно возрастает на фоне обострения глобальных проблем современности: угрозы мировой термоядерной войны, экологической, продовольственной, энергетической и других проблем. В них проявляются, с одной стороны, глубокая взаимосвязь и взаимозависимость всех государств и народов, экономических и социально-политических процессов в мире, единство и целостность человечества, всей земной цивилизации, а с другой стороны, — глубокая обособленность и противоречия между различными социальными системами, соответствующими государствами и группами государств и другими субъектами международных отношений. Обострение глобальных проблем требует объединения усилий человечества, преодоления чрезмерного обособления интересов этих субъектов, развития глубоких и долговременных связей между ними. Все эти проблемы, связанные с диалектикой связи и обособленности, разворачиваются в ходе ускорения процессов социально-экономического и политического развития. Поэтому особого внимания требует изучение диалектики связи и обособленности в концепции развития

Диалектика связи и обособленности имеет универсальный характер и реализуется как в онтологическом, так и в логико-гносеологическом аспектах. В концепции развития она неразрывно связана с процессами восхождения от абстрактного к конкретному, которые также носят универсальный характер. Эта связь реализуется в анализе и синтезе, которые содержатся в качестве элементарных процедур в методе

восхождения от абстрактного к конкретному. Поэтому исследование диалектики связи и обособленности в концепции развития позволяет глубже понять основы метода восхождения от абстрактного к конкретному как важного компонента методологии научного познания. Этому аспекту диалектики связи и обособленности в основном и посвящена данная статья.

Категории «связь» и «обособленность» принадлежат к ряду таких родственных категорий, как взаимодействие и обособление, связанность и раздельность, слитность и изолированность, зависимость и независимость, притяжение и отталкивание и др. Связь и обособленность — наиболее общие категории этого ряда. Категория «связь» в философских исследованиях часто сопоставляется с категорией «отношение». Ряд авторов считает их тождественными, другие пытаются анализировать диалектику категорий «связь» и «отношение», исходя из предположения, что они соотносятся как род и вид. Мы, однако, считаем, что в основу сравнения этих категорий должно быть положено исследование диалектики связи и обособленности, поскольку именно они образуют пару диалектически противоположных категорий; при этом из диалектики связи и обособленности в процессе развития возникают все виды отношений.

Ф. Энгельс указывал: «Вся доступная нам природа образует некую систему, некую совокупную связь тел... В том обстоятельстве, что эти тела находятся во взаимной связи, уже заключено то, что они воздействуют друг на друга, и это их взаимное воздействие друг на друга и есть именно движение»¹. Таким образом, исследование диалектики связи и обособленности неразрывно связано с исследованием процессов взаимодействия, которые, в свою очередь, ведут к движению и развитию. Ф. Энгельс подчеркивал особую роль категории взаимодействия в познании, указывая, что «*взаимодействие* — вот первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю в целом с точки зрения теперешнего естествознания... Мы не можем пойти дальше познания этого взаимодействия именно потому, что позади его нечего больше познавать»². Таким образом, категория «взаимодействие» выступает как основа категориального анализа связи и обособленности³.

При исследовании взаимодействий в аспекте перехода к анализу диалектики связи и обособленности важную роль играет разделение взаимодействий на внутренние и внешние. Причем различие и противоположность внутреннего и внешнего не должны сводиться к различию пространственному, геометрическому, а подлежат рассмотрению с точки зрения сущностной, качественной определенности объекта, взаимодействия которого анализируются. Мы присоединяемся в данном вопросе к позиции А. Г. Чусовитина, который приходит к выводу: «Любой материальный объект существует, с одной стороны, как нечто самостоятельное благодаря взаимодействию своих структурных элементов, а с другой, — взаимодействует одновременно с множеством окружающих его объектов. Одни взаимодействия обуславливают его качественную определенность (устойчивость) и взаимопревращаемость, другие же

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 392.

² Там же. С. 546.

³ Разработку этого вопроса см.: Новинский И. И. Понятие связи в марксистской философии. М., 1961; Перетурин А. Ф. Категория «взаимодействие» и принцип суперпозиции в физике//Вопросы философии. 1963. № 2; Аронов Р. А. К категории взаимодействия//Некоторые вопросы философии. Кишинев, 1964; Жбанкова И. И. Проблема взаимодействия. Минск, 1971; Чусовитин А. Г. Взаимодействие — категория материалистической диалектики. Барнаул, 1973; Солопов В. Ф. Материя и движение. Л., 1978; Курбанов Р. О. Категория взаимодействия в философии и физике. Баку, 1983; Имамалиева Р. М. Природа связи и формы ее проявления. Ташкент, 1985; Чусовитин А. Г. Диалектика взаимодействия и отражения. Новосибирск, 1985; и др.

осуществляют разнообразные связи с объектами и вызывают, как правило, количественные изменения. Первые для объекта (системы) внутренние, вторые — внешние»⁴. Этот подход согласуется и с положением Ф. Энгельса о фундаментальной роли такой формы взаимодействия, как притяжение и отталкивание: «Основной формой всякого движения,— писал Ф. Энгельс,— являются приближение и удаление, сжатие и расширение,...— старая полярная противоположность *притяжения и отталкивания*». При этом притяжение и отталкивание нельзя сводить к приближению и удалению, выражающим один лишь пространственный аспект этого взаимодействия, ибо несмотря на то, что этот аспект является универсальным, он не исчерпывает сущностной, качественной определенности процессов притяжения и отталкивания. Притяжение служит процессуальным выражением связи, а отталкивание выступает как процессуальное выражение формирования обособленности. Именно притяжение и позволяет образоваться отдельным, относительно самостоятельным, целостным объектам, относительно которых и возникает возможность разделения на внутреннее и внешнее. Противоречивое единство притяжения и отталкивания во всяком взаимодействии служит источником и движущей силой диалектики связи и обособленности. Универсальность диалектики притяжения и отталкивания есть основа универсальности диалектики связи и обособленности и тем самым общепhilosophического характера категорий «связь» и «обособленность».

В ходе глобального развития Вселенной взаимодействие объектов, как и формы единства и борьбы притяжения и отталкивания, не остается неизменным, а развивается, причем в виде диалектического восхождения от низших форм взаимодействия к высшим. В силу неразрывной связи движения и взаимодействия⁶ развитие взаимодействия как всеобщего свойства материи неразрывно связано с развитием форм движения материи, а значит, и с развитием соответствующих структурных уровней материи. Поэтому каждому более высокому структурному уровню материи с присущим ему более высоким типом материи соответствует свой более высокий тип взаимодействия. Вместе с развитием взаимодействия от его простейших физических форм до социальных форм взаимодействия идет и развитие специфических форм диалектики связи и обособленности, формирование иерархии все более высоких, развитых форм диалектической взаимосвязи и обособления: физической, химической, биологической и социальной.

Универсальный мировой процесс развития изучается материалистической диалектикой как учением о всеобщих законах связи⁷ и развития⁸ природы, человеческого общества и мышления. Материалистическая диалектика соединяет в себе в органическом единстве два принципа: принцип связи и принцип развития⁹,— выступая как наука о системе наиболее общих, фундаментальных законов целостного, единого, закономерного мирового процесса развития¹⁰. То, что этот мировой процесс развития характеризуется единством, системностью, целостностью и закономерным характером, находится в центре внимания диалектики как концепции связи. При этом связь рассматривается и в генетическом плане (порождение одного другим, причинение), и в актуальном плане (взаимодействие в одно и то же время), и в плане связи состояний одного и того же объекта в разные времена, и в плане связи состояния

⁴ Чусовитин А. Г. Указ. соч. С. 69.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 393.

⁶ Там же, С. 392.

⁷ Там же, С. 343, 384.

⁸ Там же, С. 582.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 229.

¹⁰ Там же. Т. 26. С. 55.

объекта в данный момент со всем многообразием объектов, процессов и явлений, предшествующих ему. Поэтому диалектика как наука о связях включает в себя исследование и причинения, и взаимодействия, и связи состояний, и детерминации. Диалектика категорий «связь» и «обособленность» образует основной компонент материалистической диалектики, рассматриваемой как концепции связи, равно как важнейшим компонентом материалистической диалектики, рассматриваемой как концепция развития, является диалектика категорий «движение» и «покой», «изменчивость» и «устойчивость».

Материалистическая диалектика как концепция связи органически включает в себя концепцию марксистского детерминизма. В разработке данной проблематики перспективным нам представляется подход М. А. Парнюка¹¹, в котором категории «связь» и «обособленность» берутся в качестве исходных и наиболее абстрактных категорий концепции детерминизма и затем, исходя из диалектики связи и обособленности, строится развернутая система категорий, выражающих эту концепцию.

Диалектика обособленности и связи специфически выражается в определенных формах атомизма. Современная диалектико-материалистическая форма атомизма рассматривает мир как развивающуюся иерархию качественно специфических форм движения материи и соответствующих ее структурных уровней и утверждает наличие на каждом из последних качественно специфических «атомов», наделенных внутренним самодвижением и «неделимых» лишь относительно, а не абсолютно¹². «Атомы» различных структурных уровней выступают как элементы, как устойчивые целостности, имеющие внешне неизменные качества относительно взаимодействия данного структурного уровня. То есть относительно этих атомов взаимодействия данного структурного уровня выступают как внешние и относительно обособленные от внутренних, обеспечивающих целостность атома данного структурного уровня материи. В современной форме атомизма атом рассматривается как структурированный; связанность, слитность атома и обособленность, изолированность его внутренней структуры не абсолютизируются, а исследуются на основе диалектики связи и обособленности.

Диалектика связи и обособленности неразрывно связана с диалектикой абстрактного и конкретного в концепции развития материального мира¹³. Предварительно кратко разъясним смысл категорий «абстрактное» и «конкретное» в этом подходе. Сущностная специфика данного подхода состоит в утверждении универсального, общепhilosophического статуса категорий «абстрактное» и «конкретное» посредством следующей интерпретации их смысла в марксистской философии: «...Конкретное в словаре Маркса (и в словаре диалектической логики вообще) и определяется как «единство в многообразии» вообще... Конкретное

¹¹ См.: Парнюк М. А. Принцип детерминизма в системе материалистической диалектики. Киев, 1972; Е го же. Концепция детерминизма в диалектическом материализме//Современный детерминизм и наука: В двух томах. Т. I: Общие проблемы детерминизма. Новосибирск, 1975.

¹² О современном атомизме и его истоках см.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 608—609. Об этом же см.: Марков М. А. О современной форме атомизма//Вопросы философии. 1960. № 3, 4; Кузнецов Б. Г. Очерки физической атомистики XX века. М., 1966; Марков М. В. О понятии первоматерии//Вопросы философии. 1970. № 4; Кедров Б. М. Принцип элементности и понятие элементности//Методологические принципы физики. М., 1975. С. 477—505; Степанов Н. И. Концепции элементности в научном познании. М., 1976; Кедров Б. М. Революция в физике и концепция атомизма//Ленинское философское наследие и современная физика. М., 1981; Кузнецова О. В. Атомистические концепции строения вещества в XIX веке. М., 1983; Чудинов В. А. Атомистические концепции в современном естествознании: Методологический анализ. М., 1986.

¹³ Подробнее об этом см.: Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960; Кедров Б. М. Принцип элементности и

означает здесь вообще «сращенное»... и потому может употребляться в качестве определения и отдельной вещи, и целой системы вещей, равно как в качестве определения и понятия..., и системы понятий»¹⁴. А абстрактное определяется «как отвлеченное, как извлеченное, как обособленное, «вынутое», «изъятые» вообще... Абстрактное понимается как один из ясно очерчивающихся моментов конкретного — как частичное, одностороннее неполное (потому всегда по необходимости ущербное) проявление конкретного, отделившееся или отделенное от него, относительно самостоятельное образование, мнимонезависимый его момент»¹⁵.

Таким образом, в этом подходе «признаки абстрактности и конкретности носят объективный характер»¹⁶ и тесно связаны с анализом направленности процесса развития, ибо «абстрактное А — отражает зачаточное, зародышевое, неразвитое, низшее, простейшее, с которого начинается данный процесс развития, направленный от низшего к высшему, от простого к сложному по восходящей линии. В таком случае конкретное К — отражает созревшее, развернувшееся, развитое, высшее, сложнейшее в рамках данного же процесса развития»¹⁷.

В этом подходе диалектика связи и обособленности оказывается некоторым проявлением диалектичности развития, лежащим (и в онтологическом аспекте, и в логико-гносеологическом) в основе диалектики абстрактного и конкретного в процессе развития, ибо в этом подходе проблема отношения абстрактного к конкретному «выступает как проблема внутреннего расчленения и объекта исследования, и его образа в мышлении»¹⁸. Диалектика связи и обособленности выступает как более простая, элементарная форма процессов, которые в совокупности, в системности своей образуют диалектику абстрактного и конкретного. Соотношение их аналогично соотношению более высокой формы движения материи с находящимися в ее фундаменте более низкими формами движения материи. Б. М. Кедров в ходе своих работ по анализу и дальнейшей разработке, в свете данных современной науки, учения Ф. Энгельса о формах движения материи приходит к выводу: «Высшая форма... не отбрасывает низшую, из которой она возникла исторически, не стирает ее следы полностью, а как бы впитывает ее в себя, удерживает ее в себе; но низшая форма удерживается в высшей уже не в ее прежнем самостоятельном виде, в каком она существовала раньше, на низшей ступени развития, а в превзойденном виде, как подчиненная возникшей из нее более сложной (высокой) форме»¹⁹.

Рассмотрим более подробно механизм перехода от низшей формы движения материи к высшей. Этот вопрос является сложным и дискуссионным²⁰. Мы принимаем предложенный В. И. Плотниковым подход к рассмотрению механизма порождения «клеточки» новой формы движения материи из прежних форм ее движения²¹. Согласно В. И. Плот-

понятие элементарности//Методологические принципы физики. М., 1975; Каримов Б. Р. Единство диалектики, логики и теории познания (В аспекте восхождения от абстрактного и конкретному). Ташкент, 1982; Кедров Б. М. Классификация наук. Прогноз К. Маркса о науке будущего. М., 1985.

¹⁴ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного//История марксистской диалектики. М., 1971. С. 238.

¹⁵ Там же, С. 239.

¹⁶ Кедров Б. М. Принцип элементарности и понятие элементарности. С. 493.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного. С. 239—240.

¹⁹ Кедров Б. М. Критерии различения высших и низших форм движения материи//Пространство, время, движение. М., 1971. С. 338.

²⁰ См., напр.: Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974; Югай Г. А. Философские проблемы теоретической биологии. М., 1976. С. 101—168; Васильева Т. С., Орлов В. В. Химическая форма материи (Химия, жизнь, человек). Пермь, 1983; и др.

Икову, «начальная», элементарная клеточка новой формы движения материи должна представлять из себя определенную целостную систему связей прежнего типа, которая должна одновременно обладать такой изменчивостью, таким специфическим самодвижением, которое обеспечивает ей со временем достижение «абсолютной» непохожести»²² прежней форме движения материи. Для этого «генетическая связь по способу зарождения должна быть уникальным сочетанием элементов старого»²³. Значит, эта клеточка, уникальная взаимосвязь элементов старого является как бы случайным, абстрактным моментом для прежней формы движения материи, но в то же время для новой формы движения материи она должна быть потенциально, в потенциях своего внутреннего самодвижения, конкретной, целостной, должна содержать в себе внутреннюю необходимость развертывания новой формы движения материи во всем ее многообразии. При этом носители прежней формы движения материи превращаются в абстрактные, нецелостные, зависимые компоненты этих носителей более высокой формы движения материи, к сущностным противоречиям которых и переходит определяющая роль в развитии материальных систем на данном новом этапе развития.

Таким образом, генетическая связь, будучи специфической формой проявления диалектики обособленности и связи, играет важную роль не только в диалектике как концепции связи, но и в диалектике как концепции развития, выступая как связующее звено этих двух концепций.

Диалектика абстрактного и конкретного в концепции развития материального мира тесно связана с диалектикой самоинтеграции и самодифференциации и тем самым с диалектикой самоорганизации в процессе развития.

Проблема самоорганизации активно исследуется в рамках синергетики²⁴, которая устанавливает ряд закономерностей, носящих чрезвычайно общий характер, и возникает вопрос о том, как они соотносятся со всеобщими закономерностями, устанавливаемыми в материалистической диалектике.

Синергетика является комплексным междисциплинарным (и в потенции общенаучным) направлением, изучающим процессы вынужденной организации и дезорганизации, самоорганизации и самодезорганизации компонентов в системах с самой различной природой взаимосвязей: физических, химических, биологических и социальных. Для превращения синергетики из междисциплинарного направления в общенаучное надо выявить единство (тождество) наиболее общих законов вынужденной организации и дезорганизации, самоорганизации и самодезорганизации в природе, обществе и мышлении. Это возможно сде-

²¹ Плотников В. И. Причинность и генетическая связь//Категория причинности в диалектической концепции связи. Свердловск, 1974. С. 63—72. Аналогичная мысль была высказана Э. В. Ильенковым (см.: Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М., 1974. С. 258) и М. А. Слемневым (см.: Слемнев М. А. Простое и сложное в природе и познании. Минск, 1976. С. 44).

²² Плотников В. И. Указ. статья, С. 67.

²³ Там же.

²⁴ См.: Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. М., 1979; Хакен Г. Синергетика. М., 1980; Синергетика: Труды международного симпозиума «Синергетика и кооперативные явления в твердых телах и макромолекулах». Таллин, 1983; Полак Л. С., Михайлов А. С. Самоорганизация в неравновесных физико-химических системах. М., 1983; Романовский Ю. М., Степанова Н. В., Чернавский Д. С. Математическая биофизика. М., 1984; Синергетика. М., 1984; Хакен Г. Синергетика: Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М., 1985; Пригожин И. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках. М., 1985; Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М., 1986.

лять, ибо основные из уже выявленных синергетикой закономерностей развития природы и общества могут быть распространены и на процесс мышления, познания, так как в нем тоже имеются процессы вынужденной организации и дезорганизации, самоорганизации и самодезорганизации компонентов, перехода от хаоса, от доминирования обособленности частей к порядку, к доминированию системы кооперативных взаимосвязей компонентов и, наоборот, от порядка к хаосу. Научная революция и интуитивный инсайт выступают как критические моменты в самоорганизации знания соответственно на социальном и индивидуальном уровнях познания, как революционный скачок от хаоса к порядку в системе знания. Проблемная ситуация, ведущая (соответственно на индивидуальном и социальном уровнях) к проблемной «фрустрации», к «кризису в науке», является критическим моментом в процессе развития познания, соответствующим скачкообразному переходу от порядка к хаосу в процессе дезорганизации. Качественно новое, возникающее в ходе самоорганизации и развития от низшего к высшему, не сводимо к своим старым компонентам потому, что они отделяются (и связываются) друг от друга диалектическим отрицанием такого типа, в ходе которого происходит резкий, революционный скачок к качественно новому состоянию.

Итак, в основе процесса самоорганизации, как выявляют частнонаучные исследования и исследования в русле синергетики, лежат многокомпонентная структурированность и процесс формирования многоаспектных взаимосвязей компонентов, т. е. диалектика обособленности и связи.

Диалектика категорий «связь» и «обособленность», «интегрированность» и «дифференцированность» выражается в человеческой практической деятельности и познании в диалектике категорий «анализ» и «синтез». При этом следует учитывать общефилософский, универсальный характер этих категорий²⁵. В. Г. Афанасьев, показывая, что «наличие определенных компонентов, частей в объективно существующем целом, дифференцированность целого, его расчлененность на части есть самая первая и самая важная объективная основа логического анализа»²⁶ и что «наличие в объективном мире целостных образований, компоненты которых взаимодействуют друг с другом, составляет первейшую объективную основу логического синтеза»²⁷, обосновывает тем самым то, что обособленность и дифференцированность выступают как основа анализа, а взаимодействие и связь — как основа синтеза.

Диалектическое единство анализа и синтеза, дифференциации и интеграции имеет в своей основе то, что в материальном мире для анализа (дифференциации), для формирования квазинавтомомных, абстрактных компонентов целостного необходимы взаимодействие, взаимосвязь частей, т. е. для анализа (дифференциации) необходим синтез (интеграция). В ходе синтеза (интеграции), складывания взаимосвязей частей формируется и сама выделенность, самостоятельность частей и компонентов, т. е. в ходе синтеза (интеграции) идет анализ (дифференциация). Но и анализ (дифференциация), порождая выделенность, относительную самостоятельность частей, в ходе их самодвижения приводит к новым свойствам частей, а значит, и к новым возможностям для их синтеза (интеграции), которые, развертываясь во взаимосвязях с другими частями и компонентами, ведут к новому синтезу (интеграции), т. е. в ходе анализа (дифференциации) идет синтез (интеграция).

²⁵ Об этом см.: Бабосов Е. М. Диалектика анализа и синтеза в научном познании. Минск, 1963. С. 66; Афанасьев В. Г. Общество: системность, познание и управление. М., 1981. С. 128—156.

²⁶ Афанасьев В. Г. Указ. соч. С. 152.

²⁷ Там же. С. 153.

Мы присоединяемся к позиции ряда исследователей, рассматривающих противоречие дифференциации и интеграции объекта как одно из основных противоречий развития²⁸, и считаем, что такая роль противоречия дифференциации и интеграции вытекает из фундаментальной роли противоречия обособленности и связи.

В. И. Ленин в качестве одного из элементов диалектики указывал: «10) бесконечный процесс раскрытия *н о в ы х* сторон, отношений etc.»²⁹, т. е. одна из черт диалектики — бесконечный процесс формирования разнообразия, качественной дифференциации, иначе говоря, бесконечный процесс диалектического анализа. Но поскольку данный процесс рассматривается как саморазвитие, как «*р а з в и т и е* этой вещи (...явления), ее собственное движение, ее собственная жизнь»³⁰, то это есть бесконечный процесс самодифференциации. Но в диалектическом развитии имеет место не процесс бесконечной односторонней самодифференциации, бесконечный процесс анализа, оторванного от синтеза, а процесс диалектического анализа, неразрывно связанного с синтезом. В. И. Ленин здесь же, в «Элементах диалектики», пишет, что в диалектике имеет место «соединение анализа и синтеза, — разборка отдельных частей и совокупность, суммирование этих частей вместе»³¹ и что «отношения каждой вещи (явления etc.) не только многообразны, но всеобщы, универсальны. Каждая вещь (явление, процесс etc.) связаны с *к а ж д о й*»³². То есть в ходе диалектического развития, включающего диалектическую самодифференциацию, формируется не просто «многообразное множество безразличных друг другу, рядоположенных вещей, которое образовалось бы при односторонней самодифференциации, а многообразие, синтезированное, интегрированное в целостную систему, т. е. в ходе диалектического развития имеет место и самоинтеграция, диалектический синтез, неразрывно связанный с самодифференциацией, с диалектическим анализом. Образующиеся в ходе диалектического развития и относительного обособления новые вещи, новые отношения, новые явления по отношению ко все более широкому кругу других вещей, отношений, явлений переходят «от сосуществования к каузальности и от одной формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой, более общей»³³, т. е. в диалектическом развитии проявляется и тенденция диалектического синтеза, диалектической самоинтеграции.

Итак, диалектика связи и обособленности неразрывно связана с развитием типов взаимодействия, с концепциями детерминизма, атомизма и самоорганизации, с диалектикой притяжения и отталкивания, интеграции и дифференциации, синтеза и анализа, абстрактности и конкретности в процессе развития и, проявляясь в форме генетической связи, выступает как связующее звено концепций связи и развития в материалистической диалектике.

²⁸ См., например, следующие авторефераты диссертаций на соискание ученой степени канд. филос. наук: Гончаренко В. В. Целое как категориальное определение объекта и как форма освоения конкретного. Киев, 1970; Нецветаев В. А. Дифференциация и интеграция как всеобщие механизмы развития (На материалах биологии). Пермь, 1971; Ю ж а к о в В. Н. Система и целое в организации процесса развития. Саратов, 1979.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 203.

³⁰ Там же. С. 202.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 203.

³³ Там же.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

К ИЗУЧЕНИЮ РЫНКА РАБОЧЕЙ СИЛЫ ЕГИПТА

В советской научной литературе проблеме формирования рабочего класса развивающихся стран уделяется серьезное внимание. Разработана научная методология исследования многих ее аспектов. Вместе с тем некоторые вопросы ждут еще своего анализа и решения. К их числу можно отнести и проблему рынка рабочей силы в указанных странах, в частности в одной из наиболее крупных стран Афро-Азиатского региона — Египте.

Следует отметить, что дробность капитализма в развивающихся странах, т. е. нарушение стадильности его развития, с точки зрения классического варианта возникновения капиталистической формации, проецируется на процесс формирования рынка рабочей силы и определяет его расколотость в общенациональных масштабах.

В Египте, например, как нам представляется, еще не сформировался единый национальный рынок труда. Несмотря на наличие значительной массы работников наемного труда (примерно 40% самодеятельного населения страны), лишь незначительная часть ее выступает на рынке труда. Сфера капиталистического найма остается относительно узкой, она ограничена рамками отдельных общественно-экономических укладов. Значительная часть армии наемного труда отсечена от рынка рабочей силы, и ее использование происходит при сохранении докапиталистических форм эксплуатации.

В стране сложилось несколько рынков рабочей силы для различных капиталистических укладов или их групп. Каждый рынок отличается степенью сформированности, контингентом рабочей силы, условиями найма и т. д. Там действуют свои специфические законы, определяющие условия использования рабочей силы и ее цену. Например, в госкапиталистическом укладе условия найма, уровень заработной платы и т. д. являются предметом социальной политики государства, тогда как в развитом частном и мелкокапиталистическом укладах основными детерминантами выступают стихийные рыночные отношения.

По-разному воздействуют на рынки труда отдельных капиталистических укладов внутренние и внешние факторы социально-экономического и политического развития страны. Так, демографический фактор оказывает серьезное давление на рынок рабочей силы мелкокапиталистического и госкапиталистического укладов и значительно слабее — развитого частнокапиталистического уклада и иностранного предпринимательства. Местный развитый частнокапиталистический уклад и иностранное предпринимательство создали относительно постоянный и достаточный резервуар рабочей силы. Здесь наблюдается большая стабильность занятости, но и большее влияние рыночных отношений на ставки заработной платы. На эти рынки наибольшее воздействие оказывает такой фактор, как нехватка квалифицированной рабочей силы, ставшая еще более ощутимой в результате эмиграции инженерно-технических кадров и квалифицированных рабочих.

Для рынка труда мелкокапиталистического уклада характерно значительное превышение предложения рабочей силы над спросом. Этот рынок пополняется, главным образом, за счет «избыточного» населения деревни и, частично, города. Здесь наблюдаются относительная слабость профессиональной ориентации работников, подвижность их производственных функций. Наличие открытой и скрытой безработицы ведет к серьезному снижению уровня доходов нефабричного пролетариата — работников мелкокапиталистических предприятий и заведений. Положение на этом рынке рабочей силы практически не регулируется законодательством, поскольку фабричное законодательство охватывает лишь определенную часть заведений данного уклада, да и то либо вовсе игнорируется, либо постоянно нарушается предпринимателями.

В советской и зарубежной литературе предпринимаются попытки деления рынков труда на организованный и неорганизованный. Данное деление, несмотря на некоторую неточность, позволяет выявить важные общие черты близких друг другу рынков труда и отличительные, специфические — между двумя противоположными группами рынков. Противопоставление, разумеется, условно, ибо неорганизованный и организованный рынки труда тесно взаимодействуют и функционирование одного

предполагает существование другого. Значительное число рабочей силы появляется то на одном, то на другом рынке. Случается, что продавец рабочей силы на организованном рынке труда становится покупателем аналогичного товара на неформальном, неорганизованном рынке, и наоборот. Поэтому можно говорить о нестабильности обоих рынков, хотя и в разной степени. Между ними не существует непреодолимых барьеров, что, вместе с указанной взаимосвязью, как правильно отмечает А. И. Левковский, подчеркивает существование разных сегментов рынка рабочей силы¹.

Разграничение рынков труда можно провести и по линии стоимости рабочей силы, по доходам, получаемым наемными работниками. В неорганизованном секторе абсолютное обнищание — явление довольно распространенное, тогда как в организованном секторе наблюдается «лишь относительная бедность. Бедность означает голодное существование, неграмотность, невозможность получения элементарного образования невыносимые жилищные условия и т. д. Мизерные доходы занятых в неорганизованном секторе не позволяют нормально воспроизводить рабочую силу. Поэтому воспроизводство ее на неорганизованном рынке труда происходит в значительной мере за счет перекачки рабочей силы из других источников — мелкотоварного производства города и деревни. Таким образом, функционирование неорганизованного рынка труда возможно лишь при условии постоянного разложения традиционных форм производства в городе и деревне, поскольку сам неорганизованный сектор не обладает достаточным собственным резервом рабочей силы: с одной стороны, слабо развито собственное воспроизводство, с другой, — нарастает отток рабочей силы в организованный сектор.

Характерные черты найма на предприятиях неорганизованного сектора — нестабильность и множественность производственных функций отдельного работника. Следствие этого — слабость профессиональных устремлений и отсутствие разделения рынка труда по узким специальностям, хотя последнее как тенденция намечается как в организованном, так и в неорганизованном рынках труда. В неорганизованном секторе передача квалификации через систему ученичества значительно ограничивает предложение квалифицированной рабочей силы на рынке труда. В организованном секторе по мере развития технического прогресса происходят специализация производства и усложнение производственных функций работника, что ведет к дифференциации работников в отраслевом и профессиональном аспектах. Указанные процессы значительно снижают горизонтальную мобильность рабочей силы в рамках одного рынка, а в определенной мере — и вертикальную, т. е. из одного рынка труда в другой.

Особо надо отметить влияние различных традиционных общественных институтов и отношений на функционирование рынков труда. Не останавливаясь здесь подробно на данном вопросе, укажем лишь, что воздействию традиционных отношений или их превращенных, измененных форм подвергаются, хотя и в различной степени, как организованный, так и неорганизованный рынки труда.

Отношение родства или землячества во многом способствуют увеличению шансов на получение работы в обоих секторах, особенно в неорганизованном. Вместе с тем сохранение традиционных стереотипов мышления и образа жизни создает препятствия на пути перехода работника из неорганизованного рынка труда в организованный, а также осложняет его адаптацию к условиям организованного производства, главным образом в промышленности.

Таким образом, дробность рынка рабочей силы углубляет социальную и профессиональную неоднородность армии наемного труда, усложняет структуру и состав рабочего класса: идет дифференциация по уровню квалификации, заработной платы, условиям труда и т. д. Все это в конечном счете обуславливает дифференциацию ценностных ориентаций и конкретных интересов отдельных отрядов рабочего класса, значительно усложняет проблему его единства.

Развитие современных отраслей в экономике Египта ведет к расширению капиталистических форм найма рабочей силы и в определенной мере может играть роль фактора, способствующего интеграции рынков труда. Однако по мере своего развития производство становится все более капиталоемким, что сокращает возможности вовлечения новых отрядов рабочей силы в капиталистические формы производства. Следовательно, в условиях сохранения многоукладности общественно-экономической структуры Египта можно говорить лишь о тенденции развития рынков труда в сторону их интеграции и формирования общенационального рынка труда.

А. Э. Шайхов

¹ Нефабричный пролетариат и социальная эволюция стран зарубежного Востока. М., 1985. С. 26.

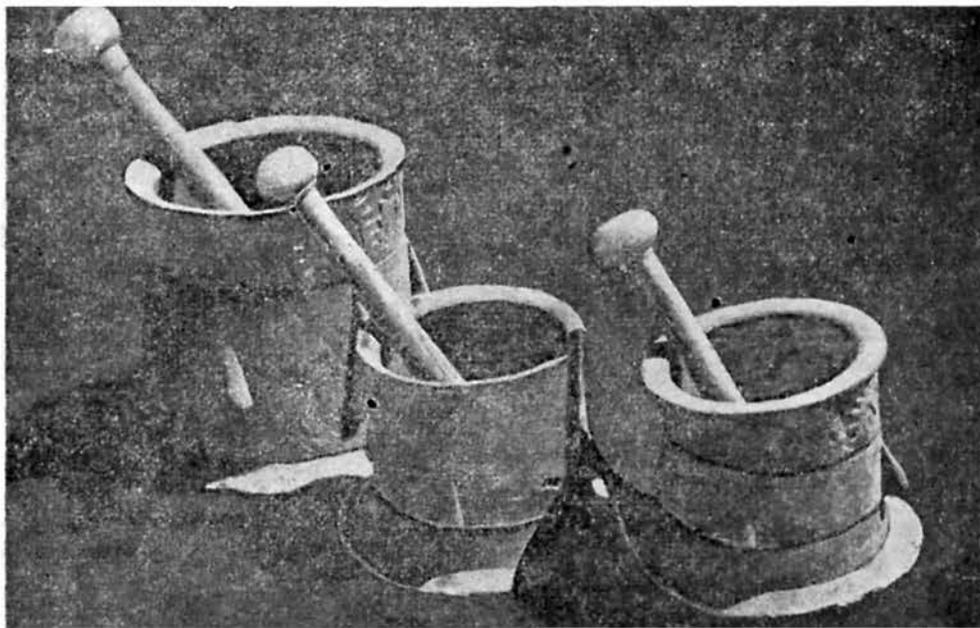
КЛАД СРЕДНЕВЕКОВЫХ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИИ С ГОРОДИЩА БУДРАЧ

Отряд Узбекстанской искусствоведческой экспедиции Института искусствознания им. Хамзы¹ с конца 70-х годов проводит археологические раскопки на городище Будрач — бывшей столице средневековой области Чаганиан, располагавшейся в среднем и верхнем течении Сурхандарьи².

В марте 1987 г. в северо-восточной части шахристана городища, в 180 м к северу от Дуньетепа, на распаханном поле, нами было обнаружено несколько бронзовых предметов. На месте их находки был заложен раскоп (БШР-1) размерами 15×15 м, углубленный до 1 м от дневной поверхности. Выяснено, что при распашке, проводившейся в начале 70-х годов, были полностью с nivelированы, видимо ниже уровня полей, находившиеся здесь средневековые постройки, от которых сохранились лишь фрагменты жженого кирпича.

Не исключено, что раскоп частично пришелся на двор, поскольку в южной части раскопа выявлено четыре бадраба: один диаметром 1 м, два — по 0,7 м и четвертый — диаметром 0,9 м, — расположенных в 1—2 м друг от друга. Верхние части бадрабов также с nivelированы. В первом по счету и большем по размерам бадрабе обнаружены бронзовые изделия, залегавшие непосредственно с уровнем вспаханной земли. Сохранившаяся глубина бадраба — 2,2 м.

Верхний слой состоит из бронзовых изделий клада, толщина слоя 0,5—0,6 м. Непосредственно под бронзовыми предметами — прослойка из целого (23×23×4 см) и битого жженого кирпича. Ниже — слой гумуса толщиной 1 м, содержащий большое количество костей птиц, мелко и крупно рогатого скота, а также неглазурованную и глазурованную керамику, среди которой выделяются: целый сферококус; неглазурованный сероглиняный кувшин с реповидным туловом и воронкообразным горлом

с прямым венчиком (на тулове отпечата гемма с арабской надписью); глазурованные белофонные ляганы с псевдоэпиграфическим орнаментом, выполненным коричневой и красной краской; ляган с пышным растительным узором (зеленая краска по белому фону), полностью покрывающим его внутреннюю поверхность. Уникальная пиала из желтой глины с плотной белой глазурью, покрывающей сосуд полностью; на дне — арабская надпись в одну строку из крупных букв, выполненная синей краской. В этом слое найдены и бронзовые изделия: сурьмадон с обломанным носиком и

¹ Общее руководство работами на городище Будрач осуществляет Э. В. Ртвеладзе.

² См.: Пугаченкова Г. А. К исторической топографии Чаганиана//Труды САГУ. Вып. 200: Археология Средней Азии. Т. VI. Ташкент, 1963. С. 58—63; Е е же. Халчаян. Ташкент, 1965. С. 14—26; Ртвеладзе Э. В. Обнаружение средневекового селения Навандак в области Чаганиан//ИМКУ. Вып. 14. Ташкент, 1976. С. 114—118; Ртвеладзе Э. В., Исхаков М. Х. Два средневековых чаганианских селения//ИМКУ. Вып. 15. Ташкент, 1979. С. 84—85; Ртвеладзе Э. В. Новые археологические данные к истории городища Будрач//ИМКУ. Вып. 18. Ташкент, 1983. С. 173—187.

маленький шаровидный колокольчик с прорезью. Ниже — слой менее гумусированной земли, также содержащей обломки керамики. Дно бадраба покрыто слоем песка.

Общее количество бронзовых изделий пока точно не определено, ибо среди них имеются как целые, так и обломки.

В составе клада около 36 ступок нескольких типов:

1. Ступка с цилиндрическим корпусом без закраин, в середине корпуса 4 выступа-шишечки; высота — 13,3 см, верхний диаметр — 13,5, нижний — 14 см.

2. Цилиндрический корпус, у некоторых ступок слегка расширяющийся к устью, дно с выступающей закраиной; в середине корпуса от 3 до 6 выступов-шишечек треугольной формы различных пропорций; выше — пояс орнамента из одного ряда рельефных фигур в виде зубчатого «мерлона» с симметрично расположенными углублениями (две ступки без орнамента). Количество — 22 шт.; размеры — от $14 \times 14 \times 18$ см³ до $20 \times 20 \times 24,3$ см.

3. Цилиндрический корпус, дно с выступающей закраиной, венчик отогнут наружу, также образуя выступающую закраину; от 4 до 6 выступов, орнамент в виде узкой рельефной полосы, проходящей над шишечками. Количество — 4 шт.; размеры — от $13,3 \times 15,2 \times 15,2$ см до $15,3 \times 17,2 \times 18$ см.

4. Один экземпляр ступки представляет промежуточную форму между типами 2 и 3 — цилиндрический корпус, дно с выступающей закраиной; отогнутый под прямым углом, плоский срезающий поверху венчик; 4 выступа, над ними орнаментальный пояс с «мерлонами». Размеры — $13,5 \times 15 \times 17$ см.

Имеется пять целых пестов и семь обломков. Пест состоит из круглого в сечении стержня, утолщающегося к концам, рукоятка песта обычно торовидная, рабочая часть в виде сегмента шара. В месте соединения рукоятки со стержнем у самого крупного песта имеется манжетовидное утолщение, у двух пестов в этом месте — валик. Найден обломок песта, рукоятка которого торовидная с вертикальным рифлением. Длина целых пестов, соответственно, — 21; 23,3; 25; 28 и 33,5 см.

В составе клада есть несколько кувшинов различных типов. Здесь мы отметим кувшин с восьмигранным, сужающимся к горловине туловом и резко расширяющимся устьем. Тулово в нижней части сужается, переходя к несохранившейся донной части. Грани тулова внизу заканчиваются полукружками. На горле кувшина рельефный пояс с меандрообразным узором. По устью выгравирован узор в виде полосы растительного орнамента. На гранях тулова, через одну, также нанесен гравированный узор в виде розетки с лункой в центре и лепестками, отходящими вверх и в стороны. Сохранившаяся высота кувшина — 12 см, ширина граней по венчику — 5 см.

Миниатюрный кувшинчик имеет грушевидное тулово и широкое устье, дно не сохранилось. По нижней части тулова идет рельефный пояс с орнаментом в виде извилистой линии с завитками. На горловине три горизонтальных ребра: большое по середине, меньше сверху и снизу. По устью — полоса меандрообразного узора. Сохранившаяся высота — 10 см, диаметр венчика — 6,5 см, максимальный диаметр тулова — 8 см.

Кувшин с воронкообразной горловиной; сохранившаяся верхняя часть тулова имеет рельефные выступы, на которых нанесен декор в виде лунок; между выступами узор из кружочков.

Есть два фрагмента, представляющих собой изображение плода граната, которые помещались сверху на ручках кувшинов.

Найдены четыре чашечки полусферической формы с растительно-геометрическими узорами на внешней поверхности; одна из чаш ажурная, возможно использовалась как цедилка. Диаметры венчиков: 7,5; 10,3; 11; 13,3 см, высота, соответственно, — 2,2; 3,2; 4; 4,3 см.

Имеются фрагменты от пяти кольцевых подставок.

В большом количестве представлены фрагменты составных светильников: около 30 фрагментов триподов различных размеров и форм — с гладким полусферическим корпусом, с корпусом спиралевидно-закрученным и др.; много ножек от триподов, некоторые у места соединения с корпусом украшены выступами со стилизованными изображениями птиц; 15 катушкообразных элементов от стволов с гладким, ажурным, спиралевидным, многоугольным исполнением центральной части; более 10 фрагментов от стволов цилиндрической, спирально закрученной, ажурной, квадратной в сечении формы. Есть целый ствол с двумя катушкообразными элементами на концах. Он представляет собой трубу со спирально закрученной поверхностью, так же закручены центральные части катушек. Высота ствола — 18,8 см, диаметр — 5, высота катушек — 6,8 и 7 см. Найдено десять фрагментов закраин тарелочек, крепившихся к верхней части подставок под светильники. Светильники представлены шестью фрагментами, тремя однорожковыми и одним (частично сломанным) трехрожковым на трех ножках, верхняя часть последнего ажурная, остальные украшены гравировкой. Ручки у однорожковых светильников обломаны, у трехрожкового — ручка в виде петельки с выступом наверху.

Найдены ручки-петельки с выступами и с плоскими вытянутыми трапециевидными пятками, украшенными небольшими выемками, всего 11 экз.

³ Первая цифра — высота, вторая — диаметр устья, третья — диаметр дна.

В составе клада сотни фрагментов котлов. Один из них горшковидной формы с валикообразным венчиком и отходящими от него двумя широкими трапециевидными ручками. Основная масса котлов полусферической формы на небольшом круглом поддоне и трех конических опорных ножках, с отогнутой закраиной, со сливами, расположенными под венчиком; ручки вертикальные, подковообразные с навершиями в виде пятигольника, треугольника вершиной вниз, двух-трехзубчатого выступа; таких ручек найдено более 40.

Кроме того, найдены два колокольчика, «ложки» и «шумовка» без ручек, фрагменты «мангала» с прикрепившимися к корпусу фигурными ножками, одна из них с арабской надписью, кольцевидные ручки для подвешивания. Уникален колокол куполовидной формы (звук извлекался ударами по корпусу) с дужкой для подвешивания, высота его — 15,5 см, диаметр устья — 8,5, максимальный диаметр корпуса — 11,5, высота дужки — 6 см. Есть мелкие пряжки, наконечники ремня, ажурные нашивки, ручка с навершием в виде петушка, фрагмент курильницы (крышки?) в виде хищника из породы кошачьих, часть изделия в виде головы фантастического животного с разинутой пастью и другие предметы.

Объем статьи не позволяет привести полное описание всех находок. Несомненно, что вещи, среди которых есть и целые, и поломанные в древности, и отремонтированные предметы, специально были запрятаны в бадрабе и отделены от нижележащих слоев кирпичной прослойкой. Кто же укрыв этот клад? Это мог быть, на наш взгляд, мастер-медник, в мастерской которого находились готовые изделия, вещи, принесенные для ремонта, а также разнообразный бронзовый лом, собранный для того, чтобы пустить его в переплавку. Какне-то обстоятельства (возможно, военные действия или внутригородские смуты) вынудили хозяина спрятать всю эту бронзу в одном из бадрабов.

Керамика из бадраба, характерная для X—XI вв., а также найденная в составе клада медная монета, по типу отнесенная Э. В. Ртвеладзе к первой половине XI в., позволяет предварительно датировать клад XI в.

Из найденных в составе клада бронзовых изделий обращают на себя внимание три кувшина своеобразной формы, сохранившихся фрагментарно.

Кувшин № 1. Сохранилась верхняя часть до середины тулова. Шейка представляет собой восьмигранную трубу, верхняя часть которой имеет сферическое уширение с носиком-сливом и стойками-петлями для крепления крышки. Отдельно найдена фигурная ручка с листовидным выступом в нижней части. Декор: дужки в нижней части шейки; на середине тулова горизонтальная полоса с гравированным орнаментом в виде колец с рубчиками, в центре колец лунки; ниже носика на тулове медальон в виде кольца с рубчиками, лункой внутри и трилистником, отходящим вверх. Сохранившаяся высота — 17 см, высота горла — 3,2, высота сферического уширения — 3, диаметр сферического уширения максимальный — 3,6, диаметр венчика — 2,7, диаметр трубки горла сверху — 2, внизу — 2,6 см.

Кувшин № 2. Частично сохранилась верхняя часть до середины тулова. Коническая крышечка с навершием в виде пирамидки была прикреплена к стойкам-петлям на венчике узкой бронзовой полоской. Носик-слив изогнут книзу сильнее, чем у кувшина № 1. Шейка восьмигранная. Декор: дужки в нижней части шейки; в середине тулова горизонтальная полоса с орнаментом в виде колец с рубчиками, в которых чередуются лунки и фигуры в виде двух переплетенных эллипсов; на тулове под слоем коррозии удается различить медальон с трилистником. Справа от носика на тулове — полустертая врезная надпись почерком «куфи», идущая от ребра, отделяющего горловину от тулова, к середине тулова. В ней удается различить буквы «айн», «мим», «ха», «мим» и «даль» (видимо, надпись означает — «сделал Ахмад»). Сохранившаяся высота — около 20 см, высота горла — 4,3, высота сферического уширения — 3,3, диаметр сферического уширения максимальный — 5, диаметр венчика — 3,3, диаметр трубки горла сверху — 2,7, внизу — 3,7, верхний диаметр корпуса — 6,5 см.

Кувшин № 3. Сохранилась верхняя часть корпуса с шейкой, без сферического уширения, отломившегося в древности, — на верхнюю часть шейки наложена брон-

зовая полоска шириной около 2 см. Шейка восьмигранная. Декор: дужки в нижней части шейки; в середине тулова полоса с орнаментом в виде колец с лунками (? плохая сохранность). Сохранившаяся высота фрагмента — около 11 см, высота горла с накладкой — 4, диаметр трубки горла внизу — 3, верхний диаметр корпуса — 4,7 см.

Ранее было известно девять кувшинов подобного типа: один найден в Ахсикете⁴, два — в Уструшане (Калаи Кахкаха III и Чильдухтарон)⁵, один — в пос. Кара-Куль в Киргизии⁶, один — на городище Лягман в Вахшской долине⁷, один хранится в коллекции Эрмитажа⁸ и три имелись в бывшей коллекции Ф. Р. Мартина⁹. На четырех кувшинах имеется арабская надпись «сделал Ахмад».

До сих пор остается открытым вопрос о конкретном месте производства этих сосудов. Мнение Н. Н. Негматова о том, что ахсикетский, шахристанский и чильдухтаронский кувшины — изделия одной мастерской, располагавшейся в Уструшане¹⁰, отвергнуто В. Л. Ворониной¹¹ и А. А. Ивановым¹². В свою очередь, А. А. Иванов считает кувшины с именем Ахмада продукцией одной мастерской, которую можно локализовать где-то в северо-восточных районах Мавераннахра. Он датирует кувшины XI — началом XII в.¹³ Б. И. Маршак, не оспаривая датировок, отрицает принадлежность подобного типа кувшинов одному мастеру, полагая, что имя Ахмада, прославившегося созданием новой формы в эпоху застоя, ставили на своих изделиях подражатели¹⁴.

Публикуемые кувшины позволяют в какой-то мере по-новому осветить проблему локализации данной группы сосудов. Очевидно, их ареал сейчас уже нельзя ограничивать лишь северо-восточными районами Мавераннахра. Они, судя по находкам на городищах Лягман и Будрач, бытовали и в Северном Тохаристане, что отмечали авторы публикации «узунского собрания»¹⁵. О конкретном месте их производства позволим себе высказать некоторые соображения. На городище Будрач найдены тигли со следами мелкой окиси и шлаки бронзы с вкраплениями угля, что свидетельствует о наличии здесь медно(бронзо)литейного производства. Это подтверждается разнообразием и обилием найденных предметов, многие из которых, как уже отмечалось, были поломаны еще в древности и как бы собраны для починки либо переплавки. Ступки же безусловно представляют собой серию изделий одной мастерской. Таким образом, наличие в Чаганиане собственного производства бронзовых изделий служит косвенным аргументом в пользу местного производства кувшинов.

Наконец, до сих пор в Средней Азии, за исключением упомянутых выше кувшинов, не находили иных бронзовых предметов с именем мастера Ахмада. В 1986 г. Х. Нарбутаев передал нам крупную ступку, найденную им в 1972 г. во время планировки бугров в месте, где нами был обнаружен бадраб с бронзовыми изделиями. Ступка цилиндрической формы с отогнутой под прямым углом закраиной и такой же донной частью: на корпусе чередуются по три вшка для ручек-колец и выступающие шпечки с перевернутым схематическим изображением человеческого лица. По плоскому верху закраины выгравирован узор из двух видов чередующихся пальметок, в который искусно вписано почерком «куфи»: «сделал Ахмад» (чтение Э. В. Ртвеладзе). Среди найденных в бадрабе изделий имеется фрагмент закраины сосуда типа таза (котла). На нем почерком «куфи» выгравирована надпись, от которой сохранились «айн», «мин» и верхняя часть «ляма», а также «алиф», «ха» и «мим», что, полагаяем, позволяет нам читать ее как «сделал Ахмад». Таким образом, теперь имеется три типа средневековых бронзовых изделий с подписью мастера Ахмада, найденных на горо-

⁴ Смирнов А. Находки в Средней Азии//Декоративное искусство. 1963. № 5. С. 37—38; Воронина В. Л. Бронзы Ахсикета из коллекции А. И. Смирнова//Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 133; и след.

⁵ Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966. С. 180—181.

⁶ Иванов А. А., Кожомбердиев И. К. Клад бронзовых вещей из Кетмень-тюбе//Киргизия под Караханидами. Фрунзе, 1983. С. 195.

⁷ Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана. М., 1985. С. 169.

⁸ Иванов А. А. О производстве бронзовых вещей в Мавераннахре в домонгольское время//КСИА. Вып. 122. М., 1970. С. 104.

⁹ Там же.

¹⁰ Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г. Указ. соч. С. 180—181.

¹¹ Воронина В. Л. Указ. соч. С. 136.

¹² Иванов А. А., Кожомбердиев И. К. Указ. соч. С. 199.

¹³ Там же. С. 200.

¹⁴ Маршак Б. И. Бронзовый кувшин из Самарканда//Средняя Азия и Иран. Л., 1972. С. 86. Это предположение позволяет объяснить обширную географию находок, но, с другой стороны, если изделия мастера Ахмада были так популярны, что вызвали подражания (точнее — подделки) на столь большой территории, то почему бы не допустить, что кувшины, найденные в разных местах, могли быть предметом импорта? Даже если многие из них изготовлены подражателями, то где-то все же жил и работал подлинный мастер Ахмад?!

¹⁵ Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Указ. соч. С. 184.

дище Будрач, что делает предположение о чаганианском происхождении рассматриваемых сосудов еще более весомым.

Хотя изучение Будрачского клада только начато, нам представляется, что уже сейчас может быть поставлен вопрос о существовании в X—XII вв. чаганианского центра художественной металлообработки.

Дж. Я. Ильясов, Д. В. Русанов

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН УЗССР

С 1986 г. отдел этнографии и этносоциальных проблем Института истории АН УзССР работает над двухтомной монографией «Этнография узбеков (в прошлом и настоящем)». Основной для ее написания служат полые этнографические материалы.

В 1987 г. экспедиция в составе: З. Х. Арифханова (начальник), научные сотрудники Б. Аминов, Т. Ташбаева, М. Д. Савуров, У. Атамирзаева, Т. Ахмедова, И. Сагдьян, Х. Санакулов; аспиранты С. Шарипов, У. Абдуллаев; ст. лаборанты А. Шевяков, Т. Исмадуллаева — выезжала в Бухарскую (11 мая — 8 июня) и Ташкентскую (22 сентября — 22 октября) области. В состав экспедиции входили также два социолога из отдела периода совершенствования социализма.

В Бухарской области были обследованы колхозы «Маданият» Бухарского района, им. К. Маркса, «Гулистан», им. Энгельса Гиждуванского района; в Ташкентской области — колхозы «Коммунизм», им. А. Икрамова, им. В. Терешковой, г. Тойтепа Среднечирчикского района, совхозы им. Калинина и им. Ленина, кишлаки Сукок, Харкент, Намданак, Самсарак, г. Паркент, Социологами и этносоциологами проведена паспортизация 78 кишлачных, сельских, поселковых и городских Советов, а также проведено анкетирование рабочих, колхозников, служащих и других групп населения, работающих на промышленных предприятиях, в колхозах и учреждениях.

Из традиционной этнографии узбеков членов экспедиции интересовали родоплеменное деление местных узбеков, хозяйство, земледелие и скотоводство, обряды, связанные с ними, материальная и духовная культура, вопросы общественного и семейного быта, ономастика, языковая ситуация.

В области этнографии узбеков советского периода было обращено внимание на особенности развития различных аспектов традиционной культуры и вхождение в них заимствованных у других народов республики элементов культуры.

В плане взаимодействия и взаимовлияния культур исследовались и другие народы, проживающие в указанных районах: русские, таджики, казахи, киргизы, татары, корейцы, турки, дунгане и др.

В ходе экспедиционной работы были опрошены более 500 информаторов в возрасте от 30 до 90 лет, анкетные данные получены у 527 (этносоциологами) и 1200 человек (социологами).

Материалы этнографической экспедиции в Бухарскую и Ташкентскую области свидетельствуют о том, что здесь проживают представители потомков различных узбекских племен и родов (мангит, кангли, курама и др.), а также оседлых узбеков, не имевших родоплеменного деления (города Тойтега, Паркент, кишлаки Карасу, Сукок). Здесь в прошлом имелись свои особенности в хозяйстве, культуре и быте, обусловленные довольно слабой политической, экономической и культурной связью между областями, районами, кишлаками.

В советское время все узбекские племена и роды консолидировались в узбекскую социалистическую нацию, значительно стерлись областные, районные и другие местные различия. Это происходит как за счет увеличения общеузбекских, так и общесоветских элементов.

Экспедиционные материалы обработаны и сданы в архив отдела этнографии и этносоциальных проблем Института истории АН УзССР; они будут использованы в дальнейших этнографических исследованиях.

М. Д. Савуров

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Д. А. КЕРИМОВ. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

(М.: Мысль, 1986. 334 с.)

Появление книги Д. А. Керимова «Философские основания политико-правовых исследований» встречено специалистами с большим интересом. К сожалению, небольшой тираж ее (всего 8500 экз.) разошелся уже по ходу поступления в магазины. Чл.-кор. АН СССР Д. А. Керимов давно изучает методологические проблемы права.

В 1972 г. ям был издан фундаментальный труд «Философские проблемы права». Новая его работа явилась как бы продолжением той книги. В новой публикации Д. А. Керимов рассматривает сущность, структуру и уровень методологических знаний, единство исторического и логического в политико-правовых исследованиях, единство теоретического и практического в науке. В книге раскрывается суть методологии как мышления, обращенного внутрь себя, и ее значение для совершенствования организации исследовательского процесса и обработки его инструментария. Автор исходит при этом из основополагающего указания классиков марксизма-ленинизма о том, что методология «есть прежде всего руководство к изучению»¹.

Определяя круг рассматриваемых вопросов, автор подчеркивает, что в данной книге «исследуются отнюдь не все философские проблемы политико-правовых явлений, а лишь их философские основания...» (с. 5), под которыми понимаются универсальные положения и выводы марксистско-ленинской философии, имеющие огромное методологическое значение для познания политико-правовых явлений (с. 6).

Автор считает справедливым мнение В. Н. Шердакова о том, что «методология, с одной стороны, выступает предпосылкой исследования, определяющей движение мысли к истине, с другой же стороны, она сама является итогом работы мысли над материалом, результатом исследования, не менее ценным, чем добытое конкретное содержание» (с. 9). Вместе с тем Д. А. Керимов считает, что это определение не имеет отношения к сути самой методологии. Сутью, ядром ее является диалектический материализм.

В этой связи автор выражает свое несогласие, на наш взгляд, тоже справедливое, с утверждением известного философа П. В. Копнина, который считает, что «каждая конкретная наука сама на основе своего собственного опыта...» не может выработать философские категории. Конкретные науки, пишет Д. А. Керимов, «как свидетельствует их опыт, могут и фактически вырабатывают такие категории, которые достигают философского уровня» (с. 10).

Действительно, нет никаких оснований обеднять и суживать возможности конкретных наук. Методологические знания их проверяются, а затем обретают жизненную силу на практике в результате синтезирования знаний всех наук.

Автор, на наш взгляд, абсолютно прав, когда он говорит о таком двуедином процессе познания, как своеобразная «адаптация» философского знания в общей теории государства и права и, в свою очередь, когда последняя в процессе осмысления нередко достигает высот философского обобщения (с. 15). Эти тенденции, безусловно, благотворно воздействуют на прогресс как общей теории государства и права, так и философии.

Интересны соображения автора о том, что методология не сводится лишь к диалектическому материализму, и в то же время не убедительны суждения в пользу существования самостоятельной науки методологии (с. 18—19).

С большим интересом читаются разделы о комплексном изучении права, системности, рассматривающие развитие политической и правовой систем в единстве и органической связи с тенденциями и закономерностями общественного развития, о связи права и морали, юридической науки, политологии и психологии и др.

Когда автор говорит о взаимодействии права и морали, о взаимном их переплетении, дополнении и обогащении (с. 244—249), хотелось бы, чтобы в столь многоплановой и содержательной работе нашли место взаимодействие, переплетение, взаимное дополнение и обогащение права и морали с таким довольно живучим регулятором поведения людей, общественных отношений, как народные обычаи и традиции. Обычаи и традиции, может быть, и уступают по силе своей императивности и эмоциональному воздействию праву и морали, но в условиях широкой интеграции общественных явлений их роль остается весомой.

Можно сделать и еще одно пожелание по книге. Автор задумал написать работу, в которой проблемы рассматриваются в гносеологическом и онтологическом аспекте. Это ему удалось. Но онтологические аспекты проблемы оказались в несколько теновом положении по сравнению с гносеологическими.

В целом же книга Д. А. Керимова представляет собой крупный вклад в философскую и юридическую науку, в разработку проблем методологии и, в частности, философских оснований политико-правовых исследований.

Ш. З. Уразаев, С. И. Воробьева, А. Х. Саидов

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 371.

НОВЫЕ КНИГИ

Т. ШИРИНОВ. ОРУДИЯ ПРОИЗВОДСТВА И ОРУЖИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

(Ташкент: Фан УзССР, 1986. 136 с.)

Работа Т. Ширинова посвящена проблеме изучения орудий труда и оружия эпохи бронзы на конкретных археологических материалах с применением новейшей методики экспериментально-трасологического анализа.

Книга охватывает определенный период: энеолит — эпоха бронзы — и определенную территорию — Среднеазиатское Междуречье. В основу исследования положены материалы опорных памятников Средней Азии: Сапалли-тепа, Дальварзина, Чуста и Заманбабы, — относящихся к разным культурам и хронологическим этапам, что особенно важно для сравнительной характеристики рассматриваемых комплексов. Автором изучено под микроскопом и с помощью экспериментов свыше 6000 изделий, что послужило основой для их типологической и функциональной классификации, и проведено более 100 различных опытов.

Работа состоит из четырех глав, введения и заключения с приложением таблиц и рисунков, раскрывающих данные функционального, экспериментального и петрографического анализа орудий.

Во введении охарактеризованы информационная база исследования, методы изучения, цели и задачи работы. Опираясь на трасологический метод, автор рассмотрел вопросы технологии, функций, производительности и социальных аспектов орудий труда и оружия Среднеазиатского региона. Результаты исследования основаны на комплексе археологических, трасологических, экспериментальных, этнографических и других данных. Это первая работа, где исследованы массовые материалы эпохи бронзы на основе экспериментально-трасологического метода.

В первой главе: «Техника изготовления каменных изделий в эпоху бронзы» (с. 6—23) — автор рассматривает проблему технологии этих изделий с привлечением данных экспериментов и этнографии. Исходя из экспериментально-трасологических наблюдений, Т. Ширинов приходит к выводу, что и после появления металла продолжалось развитие технологии обработки камня. Как свидетельствует технический потенциал той эпохи, позиция автора сомнений не вызывает.

Заслугой автора является восстановление полной картины хозяйственно-производственной деятельности обитателей Среднеазиатского Междуречья. Вместе с тем не совсем понятна позиция автора по отношению к появлению серпов из обожженной глины. Он пишет: «...Из-за нехватки местных материалов в Древнем Междуречье практиковалось изготовление серпов... из обожженной глины» (с. 21). Мы считаем, во-первых, что серпы из обожженной глины существовали до использования металлов и не были связаны с нехваткой последних. Во-вторых, трудно поверить, что при жатве созревших зерновых культур не требовались орудия с остро заточенными лезвиями. Серпы из обожженной глины были производительнее, чем каменные. С появлением же металлических орудий серпы из обожженной глины постепенно теряют свое значение.

Вторая глава: «Оружие поселения Сапалли-Тепа» (с. 24—32) — посвящена сравнительному анализу археологических источников и данных экспериментов. Эксперименты позволили автору сделать вывод, что каменные ядра могли быть использованы в оборонительных целях и как отбойники. Ударная сила каменных и глиняных ядер с одинаковым весом почти равнозначна, хотя твердость их различна.

Третья глава: «Функциональная классификация каменных изделий по данным экспериментально-трасологических наблюдений» — занимает центральное место в работе. С одной стороны, автор обращает внимание на общую характеристику изделий с подробным описанием морфологических и функциональных признаков каменных орудий, с другой, — на функциональную систематизацию орудий. Несомненная заслуга автора — составление типлистов для каждого памятника и сводного для всех исследуемых комплексов. При этом он широко использует данные статистической обработки материалов, определяет количественные критерии для выделения основных, характерных и второстепенных, малозначительных, случайных типов, групп и классов (с. 36). На основе анализа типлиста и статистической корреляции материалов Т. Ширинов показывает сходство и различие рассматриваемых им индустрий, каковы, по мнению автора, связаны, с одной стороны, с хронологической одновременностью памятников, с другой, — с культурно-хозяйственной вариабельностью этих поселений (с. 82).

В четвертой главе: «Вопросы хозяйства и производства на территории среднеазиатского Междуречья в эпоху бронзы» — Т. Ширинов раскрывает хозяйственно-производственную структуру общества, оперируя при этом процентным соотношением тех или иных групп орудий, которое, безусловно, является приближенным и относительным, чего не скрывает и сам автор. Предложенный им подход к изучению вопросов хозяйства сам по себе перспективен. Он может быть использован для палеоэкономических реконструкций прошлого. Помимо общих черт сходства, наблюдаемых

в хозяйстве рассматриваемых поселений, Т. Ширинову удалось выявить локальные хозяйственные различия как в пределах одной культуры, так и внутри конкретного региона.

В этой главе автор рассматривает взаимоотношение изделий из камня и металла. Массовые инструменты, связанные с хозяйством и металлургией, по-прежнему делались из камня. Автор справедливо отмечает, что широкое употребление камня в хозяйстве и быту было связано, с одной стороны, со сложностью технологии изготовления бронзовых изделий, а с другой, — с нехваткой сырьевых баз (с. 117—118).

Особое внимание уделено роли земледельческих орудий Заманбабы, где почву обрабатывали с помощью мотыг из рога и дерева. Уровень земледелия, охоты и скотоводства был одинаковым. В домашних производствах зафиксирована обработка дерева, кости и рога при полном отсутствии металлургии и металлообработки. На поселениях Сапаллитепа, Дальварзин и Чуст большое значение имело земледелие. Незначительную роль играли в Дальварзине орудия для обработки металлических изделий, руды, дерева, кости и рога, орудия рыболовства, охоты и скотоводства.

В заключение автор подводит общие итоги исследования, кратко излагает выводы, полученные им в ходе экспериментально-трассологического изучения орудий труда из камня и оружия, показывает, какую важную роль играли последние в хозяйстве, домашних производствах и быту племен, обитавших в Среднеазнатском Междуречье в эпоху энеолита — ранней бронзы. Сделанные автором наблюдения и выводы убедительно аргументированы и по-новому освещают историю этого региона.

Сиссоко Фамори

ХРОНИКА

СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ СИМПОЗИУМ «ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР И ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

Важная особенность истории Средней Азии как части Востока — сложная проблема взаимодействий земледельческих народов древних цивилизаций и кочевых скотоводческих культур степных зон, проявлявшихся в каждом регионе по-разному и требующих тщательного анализа всех особенностей этих связей для каждого региона.

Развитие экономики скотоводческих народов, способствовавшее демографическим взрывам, вызывало их активное движение в контактные зоны и оазисы, изменяя и политическую жизнь, и этнический состав, и культуру последних. В свою очередь, инфильтрация земледельцев по караванным путям активно влияла на общество скотоводов, изменяя их экономику и социальную структуру.

Этой сложной проблеме взаимодействия кочевых культур и древних цивилизаций и был посвящен советско-французский симпозиум, проходивший в Алма-Ате 20—25 ноября 1987 г. В его работе принимали участие с советской стороны представители 25 научных учреждений из 19 городов страны — Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Ташкента, Самарканда, Нукуса, Фрунзе, Ашхабада, Еревана и др. С французской стороны — археологи, историки, лингвисты Национального центра научных исследований, Музея Гимэ, Университета Парижа.

Опубликованный к совещанию сборник тезисов¹ освещает содержание 95 докладов; 35 из них были вынесены на пленарные заседания, строившиеся по тематике: общие закономерности эпохи; экономический потенциал и развитие технологии; взаимодействие в эпоху неолита и палеометалла; взаимодействие в древнюю эпоху; взаимодействие эпохи средневековья и поздние номады.

В докладах В. М. Массона (Ленинград) — «Номады и древние цивилизации: динамика и типология взаимодействий», Р. Б. Сулейманова (Алма-Ата) — «Формационная природа кочевого общества», К. А. Акишева (Алма-Ата), «Конные номады древнего Казахстана», Н. Э. Массанова (Алма-Ата) — «Дисперсное состояние — всеобщий закон жизнедеятельности кочевого общества», материалах, представленных Б. В. Андриановым, Б. И. Вайнберг, И. Н. Гуляевым (Москва), рассматривались аспекты закономерностей взаимосвязей раннеземледельческих обществ и древних цивилизаций с пастушескими и скотоводческо-земледельческими племенами, динамичных внутризональных контактов, перераспределение продуктов в связи с формированием кочевого образа жизни, развитием военной функции, скачком коммуникабельности, резко повлиявшим на социальную и политическую историю обществ, развитием торгово-экономических и этнических связей, ярким примером которых явился кушанский синтез. Раскрыты этапы номадизма, в процессе которых совершался переход от придомного пастушеского скотоводства к более высокой ступени — яйлажному.

¹ Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: Тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата, 1987. 208 с.

круглогодичному скотоводству с распределением пастбищ и водных источников, характерной структурой хозяйства с выделением субрегиональных хозяйственных типов. Наиболее слабо изученная сторона проблемы кочевников — ее формационная природа, в которой наблюдается обилие различных, зачастую полярных точек зрения. Главное препятствие — в том, что исследователи слабо представляют основные механизмы связи материального производства кочевников со средой их обитания и воздействия природных ресурсов на социально-экономические процессы. Необходимы системный метод, экологический подход к проблеме, разработка и использование этнографического материала, региональный анализ и моделирование хозяйственных систем.

Разные формы взаимодействия кочевников и земледельцев в различные эпохи от неолита до позднего средневековья, а также экономическая и социальная характеристика обществ в эти эпохи отражены в докладах Б. И. Маршака и В. И. Располовой (Ленинград) — «Кочевники и Согд», В. Ф. Зайберта (Петропавловск) — «Природно-экологические и общественные факторы и развитие производящего хозяйства в степях Казахстана», П. И. Долуханова (Ленинград) — «Аридная зона Старого Света: экологический потенциал и направленность культурно-хозяйственного развития», Л. А. Макаровой, Т. Н. Нурумова (Алма-Ата) — «К проблеме коневодства в неолите-энеолите Казахстана», В. Х. Шелекенова (Алма-Ата) — «Средневековый Актобе и вопросы взаимодействия оседлого и кочевого населения», Н. Н. Негматова (Душанбе) — «Сако-согдийский синтез на Средней Сырдарье», Ю. А. Заднепровского (Ленинград) — «Взаимодействие кочевников и древних цивилизаций и этническая история Средней Азии», И. В. Пьянкова (Душанбе) — «Взаимодействие оседлых обществ и степных племен древней Средней Азии в аспекте этнической истории», А. И. Мартынова (Кемерово) — «О степной цивилизации I тыс. до н. э.», В. Д. Горячевой (Фрунзе) — «О некоторых ближневосточных традициях в средневековых памятниках Средней Азии», К. М. Байпакова (Алма-Ата) — «Город и степь Южного Казахстана и Семиречья в эпоху средневековья (Аспекты взаимодействия)», И. М. Хлопина (Ленинград) — «Исторические закономерности сложения степных культур Средней Азии», И. М. Здановича (Челябинск) — «Поселение Арканам», Э. Ф. Кузнецова (Алма-Ата) — «Древние металлургии в Центральном Казахстане», Б. Т. Туякбаевой (Алма-Ата) — «Синкретическое искусство кочевых племен Центральной Азии и архитектурный орнамент (На примере ханаки Ахмеда Ясави)» и материалах, представленных исследователями ряда центральных городов и союзных республик.

Исследования узбекских ученых представляли Институт археологии, Институт истории АН УзССР, Институт истории, языка и литературы ККФАН УзССР, Институт искусствознания Министерства культуры УзССР и вузы — ТашГУ и СамГУ. У. И. Исламовым подняты вопросы формирования в Средней Азии в эпоху мезолита и неолита двух хозяйственных зон и путей, определивших дальнейшее развитие производящей, интенсивной и присвоющей, экстенсивной экономики региона. А. А. Аскаров заострил внимание на интерпретации степного компонента в комплексах оседлых культур Бактрии со второй половины II тыс. до н. э. Именно проникновение групп скотоводов на территории, занятые земледельцами, и усиление контактов привело, по мнению автора, к ярко выраженному прогрессу общества, скачку в аграрном и ремесленном производстве, сложению протогородской цивилизации в Бактрии. Ю. Ф. Буряков и М. И. Филинович остановились на особенностях процесса взаимодействия в контактной зоне — Средней Сырдарье и Ташкентском оазисе. В их выступлениях подчеркнуты коренные изменения, происшедшие в культуре региона со II в. до н. э., как результат крупных этнокультурных смещений, приведших к сложению новых культур и архитектурной традиции. Культурным и художественным проявлениям взаимодействия в эпоху античности в центральных оазисах Средней Азии посвящен доклад Г. А. Пугаченковой, сформулировавшей основные признаки бактрийско-юэджийского творческого синтеза, предопределившего кушанское искусство. Антропологический аспект взаимодействия освещен в выступлении Т. Х. Ходжайова, в частности проследившего этапы монголизации групп основного европеоидного населения Средней Азии на протяжении веков.

Различные аспекты проблемы отражены также в материалах, представленных А. А. Абдуразаковым, Н. А. Аванесовой, А. С. Сагдуллаева, Э. В. Ртвеладзе, В. Н. Ягодиным.

Доклады и выступления французских участников затронули как общие вопросы и закономерности процесса взаимовлияния кочевников и оседлых земледельцев, так и конкретные результаты изучения материала с постановкой проблемы. Таков доклад Ж. К. Гардэна, поставившего в общетеоретическом плане вопрос о выделении археологических признаков кочевничества с рассмотрением на конкретных примерах вторжения кочевников в Бактрию и эпоху ранней античности и перемещения тюрков и эфталитов в раннем средневековье. Общим вопросам взаимодействия и условиям осуществления этого процесса посвящен доклад Ж. П. Дигара, который, рассматривая стимулы прогресса в кочевом и оседлом обществах, поддерживает мнение о способностях к эволюционному развитию у кочевников не под влиянием оседлых обществ, а за счет внутренних причин.

Р. Безенваль развивает гипотезу об активном участии кочевников в разработке полезных ископаемых, предлагая выработать критерии для интерпретации этого явления в Центральноазиатском регионе.

Ж. Ф. Жариж, опираясь на результаты исследования поселения Мергар в Белуджистане, ставит проблему возможности разработки признаков прогнозирования процесса освоения долины Качи в доисторический период. Оригинальные материалы и выводы предложены А. П. Франкфором для реконструкции прототипа «Великого шелкового пути» с эпохи бронзы. Доказательства расширения ареала сакского мира убедительно приведены в докладе К. Дэбен-Франкфор о результатах исследований в Синьцзяне.

В завершающий день симпозиума развернулась общая дискуссия, охватившая стержневые направления исследований по проблеме кочевых и земледельческих культур Центральноазиатского региона. В центре обсуждения были проблемы номадизма и его критериев как общественной и хозяйственной категории, его происхождения и хронологии; постановка проблемы о выделении в методическом и фактологическом аспекте понятия скотоводческой цивилизации.

Большое внимание уделено вопросу двусторонних связей и взаимовлияния культур кочевников и оседлых племен, важности изучения экологического фактора в экономике номадов. Указывалось на необходимость более широкого использования этнографических материалов не в параллелях, как принято в археологии, а в структуре построения моделей.

Эти аспекты затронуты в выступлениях Ю. А. Заднепровского, который вернулся к необходимости изменения терминологии, к замене термина «варварская оккупация» «движением номадов», уточнения этапов тюркизации и монголизации населения, которые разделены временем.

Отражены они и в выступлении А. И. Мартынова, не только обосновавшего само понятие «кочевой цивилизации», но и выделившего три периода ее развития и расцвет, приходившийся на эпоху скифо-сибирского и скифо-сакского мира, создавшего свою экономику, идеологию, искусство, монументальные, архитектурные комплексы, что сыграло важную роль и в процессе урбанизации. Как отметил А. А. Аскарлов, острый интерес в этом плане вызывает уникальное монументальное укрепление Аркам, которое может быть связано с культовой функцией, где усматриваются черты протозорастризма, и представляет феномен протоцивилизаций урало-казахских степей эпохи бронзы.

Б. И. Маршак, проанализировав археологический материал и этнографические параллели, подчеркнул отсутствие у кочевников керамического производства, подержав тезис Ж. К. Гардэна о невозможности использования керамики как критерия номадизма. Он поддержал поднятый Ж. П. Дигаром вопрос о превосходстве кочевников над оседлыми племенами в критических ситуациях, объясняемом особенностями их хозяйства, быстро превращавшими их в воинов, и неразвитостью социальной структуры, обеспечивавшей их племенную сплоченность. Н. Э. Масанов указал на необходимость выделения четких критериев для определения оседлых и миграционных процессов, что важно не столько в плане реальной деятельности, где положение сложно и грани стусеваны, сколько в плане методологии.

Вопрос связей нашел отражение в обстоятельном выступлении К. А. Акишева, остановившегося на предыстории сложения «Великого шелкового пути», трассе, бывшей еще в III тыс. до н. э. «лазуритовым», «нефритовым» путям, по которому товары шли с запада на восток, а затем замечается обратное движение. В этом аспекте подчеркнута особое значение доклада А. А. Франкфора. Он подчеркнул также, что новые материалы, представленные К. Дэбен-Франкфор, сделали очевидным вхождение Синьцзяна и Ордоса в ареал сакских культур.

Подводя итоги дискуссии, В. М. Массон отметил накопление фактологического материала, особенно советскими специалистами, и активную разработку теории и методики, импульс чему придают французские коллеги, остановился на важности углубления социально-экономической проблематики и моделирования процессов.

Ж. К. Гардэн, поблагодарив за встречу, подчеркнул необходимость публикации материалов симпозиума.

В специальной резолюции по результатам симпозиума отмечено, что по проблеме взаимодействия кочевых культур и древних цивилизаций сделаны важные археологические открытия, представленные в докладах советских и французских ученых. Накоплены принципиально новые материалы, характеризующие эпоху бронзы, когда в степной зоне существовали укрепленные центры правильной планировки, а в южных оазисах наблюдается симбиоз местных и степных традиций. Для ранних кочевников важное значение имеют новые материалы сакского времени из Синьцзяна. Наблюдаются успехи в интерпретации археологических материалов, где особо важное значение имеют использование этнографических моделей, методы этноархеологии и разработки структуры логического анализа в археологии. Все эти данные позволили рассматривать кочевые культуры и древние цивилизации как тесно связанные, взаимодействующие и взаимовлияющие макросистемы.

В резолюции подчеркнуты важные результаты советско-французского сотрудничества в области археологии. Руководству АН КазССР предложено опубликовать материалы симпозиума отдельным изданием.

Ю. Ф. Буряков, М. И. Филанович

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

26 июня 1987 г. состоялось совместное расширенное заседание Бюро Узбекистанского отделения Философского общества СССР, Республиканского координационного совета по проблемам философии и научного коммунизма и Ученого совета Института философии и права АН УзССР. Заседание было посвящено обсуждению одной из актуальных проблем философской науки — противоречий при социализме. С докладом «Противоречия при социализме и их особенности в условиях ускорения и перестройки» выступил председатель Узбекистанского отделения ФО СССР, доктор филос. наук К. Х. Ханазаров.

Докладчик отметил, что XXVII съезд партии и последующие Пленумы ЦК КПСС открыли новые возможности перед советской философской наукой. Она избавляется от пересказа общеизвестных истин, славословия и трескотни. Из философии смело изгоняются серость и рутинность, схоластика и догматизм. В нее все шире вторгаются свежая мысль, смелее ставятся и всесторонне обсуждаются проблемы, которые до недавнего прошлого считались «запретными» или «закрытыми». Одна из них — вопрос о противоречиях при социализме. Здесь наиболее зримо сказывались отрицательное влияние и давление господствовавших долгие годы начетничества, сконанности мышления, узости взгляда, абстрактного теоретизирования. Больше всего пострадала философская наука от поверхностного, по существу вульгарно-социологического толкования проблемы, попыток рассматривать социализм как общество, развитие которого происходит без глубоких противоречий. Эти попытки представляли собой отступление от основополагающих законов философии марксизма-ленинизма, отрыв теории от жизни.

После победы социализма дальнейшая разработка теории совершенствования социализма и строительства коммунизма в течение длительного периода тормозилась из-за культа личности, субъективизма и волевых решений важнейших теоретических вопросов, робости в постановке ряда фундаментальных проблем теории социализма и коммунизма, распыления научных сил на решении многих второстепенных вопросов. Ученые-философы большей частью фактически превращались в пропагандистов и разносчиков прописных истин.

По мнению докладчика, было бы неправильным давать односложный ответ на вопрос — существуют ли антагонистические противоречия в социалистическом обществе. Все зависит от конкретных обстоятельств. События 1956 г. в Венгрии, 1968 г. в Чехословакии, 1981 г. в Польше показали, что если противоречия в социалистическом обществе не выявляются вовремя, если не будут приняты необходимые меры по решению назревших вопросов социально-экономического развития, то неизбежно формирование непримиримо-враждебных социализму сил. Предкризисные явления, негативные процессы в нашей стране также свидетельствуют о том, что чуждые социализму проявления, постепенно накапливаясь, могут перерасти в механизм торможения, существенно замедлить развитие страны и совершенствование социализма. Докладчик привел многочисленные примеры, в частности из жизни Узбекской ССР.

По докладу развернулась дискуссия, в которой приняли участие философы Института философии и права. ТашГУ им. В. И. Ленина и ряда других вузов.

Доктор филос. наук А. Ф. Файзуллаев обратил внимание аудитории на противоречивость самого человеческого фактора, который находится в постоянном развитии. Именно с социализма и начинается по-настоящему ускоренное развитие общества. В его основе — человеческий фактор, его активность, настрой на творческий труд. А. Ф. Файзуллаев высказал мнение, что при социализме, в рамках социализма нет места антагонистическим противоречиям, они могут существовать только в классово-антагонистических обществах.

Выступивший затем доктор филос. наук Т. С. Саидбаев затронул ряд проблем, в которых наиболее полно проявляются противоречия нашего развития: корни зарождения иждивенческих настроений; относительная малочисленность, низкая производственная квалификация и организационная слабость национальных кадров рабочего класса; запущенность экологических проблем в Среднеазиатском регионе; нарушение пропорций в народном хозяйстве и др. В частности, он сказал, что ныне существующая уравниловка между республиками в распределении произведенных материальных богатств не стимулирует общественное производство, создает объективную почву для иждивенческих настроений в масштабе всего Союза. В республике фактически пущены на самотек проблемы экологии, регулирования роста численности населения, динамики поливных площадей и др.

В своем выступлении доктор филос. наук К. И. Иванова подчеркнула, что противоречия всегда проявляются в конкретных условиях и требуют конкретного анализа. Могут или не могут они перерасти в антагонистические — это зависит от конкретных условий. Но при социализме именно от человека, от уровня научного управления обществом во многом зависит само развитие общества, могущее создать эти условия или упредить их. Проблема противоречий требует самой серьезной постановки исследовательской работы, широкой пропаганды и разъяснения противоречивости нашего социалистического развития. Иначе возможно возникновение настроений благодушия, как это случилось в нашем обществе.

Доктор филос. наук С. Ш. Шермухамедов напомнил ленинскую мысль о том, что при социализме антагонизмы исчезнут, а противоречия останутся. Досадно что эта важнейшая проблема остается пока философской целиной. Социалистическая практика Страны Советов убеждает нас в том, что, собственно говоря, именно с социализма и начинается по-настоящему широкая и глубокая борьба мнений, суждений, точек зрения, взглядов, убеждений, немислнная и невозможная в условиях капитализма, где значительная часть общества — люди неграмотные, малограмотные, поглощенные каждодневной заботой о хлебе насущном. Именно широкая социальная база борьбы противоречий в социалистическом обществе ускоряет его социально-экономическое и духовное развитие.

Доктор филос. наук М. Н. Абдуллаева осветила теоретические аспекты проблемы противоречий, сделав особый упор на необходимость тесной увязки ее с теорией отражения. Между тем философы-обществоведы нередко совершенно игнорируют требования ленинской теории отражения, мыслят конъюнктурно, что негативно отражается и на осмыслении проблемы противоречий.

Канд. филос. наук Б. Р. Каримов отметил, что два основных типа диалектических противоречий: между разными сущностями и внутри одной сущности — принимают в обществе соответственно форму двух основных типов социальных противоречий: антагонистических и неантагонистических. Он высказал также мысль, что в ходе негативных явлений имели место не только нарушения принципа распределения по труду, но и нарушения права распоряжения и пользования обеими формами социалистической собственности на средства производства. Далее им была подчеркнута необходимость внимания к разрешению региональных экологических противоречий, в частности к предотвращению высыхания Арала и изменения климата Средней Азии.

Выступление доктора филос. наук А. К. Валиева в основном было посвящено противоречиям, возникающим между производственными отношениями и производительными силами. Наша социалистическая действительность дает богатую гамму противоречий. Однако в разработке этих вопросов у нас еще много описательности, фактологичности, ухода от острых проблем, их затушевывания.

Доктор филос. наук Л. Е. Гарбер остановился на истории разработки проблемы противоречий в социалистическом обществе до XXVII съезда партии. Он выступил, в частности, против положения о том, что социалистическое общество едино в главном и противоречиво во второстепенном. Противоречия в своем единстве и борьбе присущи и магистральной линии развития нашего общества. Далее он остановился на конкретных примерах проявления противоречий в социально-экономической жизни страны.

На заседании выступили также кандидаты филос. наук А. М. Вайсман, М. Карабаев, А. Хайдаров, В. Г. Черник и др., высказавшие ряд интересных мыслей о проявлениях противоречий при социализме.

Подводя итоги заседания, К. Х. Ханазаров выразил удовлетворение ходом обсуждения проблемы и высказал уверенность в том, что философы республики внесут достойную лепту в ее разработку.

Г. А. Покачалов

МАССОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 87

Вот уже десять лет ежегодно, в начале декабря, проходят Массоновские чтения — научные форумы по широкому кругу проблем истории и археологии Средней Азии и Казахстана, проводимые в честь основателя среднеазиатской археологической школы, академика АН ТуркмССР, заслуженного деятеля науки Узбекской ССР, профессора Михаила Евгеньевича Массона (1897—1986). Начало этой традиции было положено многочисленными учениками и соратниками М. Е. Массона — учеными разного профиля, съехавшимися со всех концов страны на 80-летний юбилей ученого.

Восемь сессий из десяти прошли при жизни М. Е. Массона — случай уникальный в истории науки, означающий высокое общественное признание значения труда ученого, авторитета и обаяния его незаурядной личности, яркий талант которой проложил многие русла исследований, а с ними — определил человеческие судьбы и творчество целого поколения среднеазиатских археологов.

Десятая сессия, посвященная 90-летию М. Е. Массона, состоялась 15—16 декабря 1987 г.

Во вступительном слове доктор ист. наук Б. В. Лунин подчеркнул, что М. Е. Массон до последних лет трудился за письменным столом, подводя итоги самым главным из разработывавшихся им проблем.

На юбилейной сессии были представлены доклады не только ведущих ученых в области среднеазиатской археологии — учеников М. Е. Массона, докторов и кандидатов наук, но и сообщения «учеников его учеников» — самое веское свидетельство жизнненности школы, продолжения ее роста и развития.

Часть из них, посвященная памяти М. Е. Массона, носила историографический характер (акад. АН УзССР Г. А. Пугаченкова — «Из работ М. Е. Массона по исто-

рической фауне», канд. ист. наук Э. В. Ртвеладзе — «О вкладе М. Е. Массона в изучение среднеазиатской нумизматики», археолог Н. Хан — «О первых посещениях М. Е. Массоном Туркменистана», кандидаты ист. наук З. И. Усманова и С. Б. Лунина — «Научные итоги работ Кешской археолого-топографической экспедиции»).

Большинство же сообщений представляли данные новейших исследований: о раннесредневековых центрах горной металлургии в Чачском оазисе IV—XII вв. н. э. (доктор ист. наук Ю. Ф. Буряков); о вновь открытых памятниках христианского происхождения в Семиречье (канд. ист. наук В. Д. Горячева, Фрунзе); о работах Парфянской экспедиции — раскопках квадратного зала в Старой Нисе (канд. ист. наук В. Н. Филиппко, Ашхабад); о керамике древней Шурабашатской культуры в Фергане IV—I вв. до н. э. (археолог Б. Абдулгазиева, Самарканд), о художественной керамике Ходжента XIX — начала XX в. (археолог Т. В. Беляева, Душанбе), о новых монетных находках на территории Узбекистана (канд. ист. наук Б. Д. Кочнев, Самарканд). Доцент СамГУ М. М. Абрамов выступил с докладом на тему «Топонимическая карта Самарканда в позднее средневековье».

Молодой историк Т. В. Рауфов (Ташкент) в докладе «Политическая история Мавераннахра X—XI вв. по источнику «Китаб рас мал ан-надим» дал критический обзор источника на основе его анализа и сравнения с работой В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия».

Доц. Г. И. Коробовцев (Ташкент) предложил философскую трактовку архитектуры как «самой большой вещи», создаваемой в области материальной культуры. Этот тезис был оспорен доктором искусствоведения Л. И. Ремпелем (Ташкент), который полагает, что не всякая вещь есть прочтение искусства, хотя и «самое запущенное», как говорил Ги де Мопассан.

С. В. Шетухина (Душанбе) в докладе «Архитектурное решение замка Каппатеп» выявила модульную основу проектирования сырцового здания.

Принципиально важное значение имел доклад руководителя сектора археологии Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР В. М. Массона «Типы культуры как инструмент исторического анализа». Докладчик отметил новое явление — «информационный бум» в археологии, создающий значительный разнобой трактовок основных понятий. Настало время ввести «понятийную сетку» и упорядочить терминологию.

В. М. Массон сделал также сообщение о состоянии археологической науки во Вьетнаме и перспективной программе многолетних археологических исследований советских и вьетнамских ученых.

Участники чтений поставили вопрос о необходимости подготовки академического издания трудов М. Е. Массона, а также высказали пожелание о публикации хотя бы тезисов докладов всех массоновских чтений.

Л. Ю. Маньковская

К 60-ЛЕТИЮ Ж. Т. ТУЛЕНОВА

Исполнилось 60 лет со дня рождения члена-корреспондента АН УзССР, доктора философских наук, профессора, заслуженного деятеля науки Узбекской ССР, лауреата Государственной премии УзССР им. Беруни в области науки и техники Жандара Туленовича Туленова.

Ж. Т. Туленов родился 12 января 1928 г. в с. Карамурт Сайрамского района Чимкентской области КазССР в семье крестьянина. Окончив среднюю школу (1944), работал секретарем Георгиевской райпрокуратуры. В 1946—1950 гг. учился в Алма-Атинском государственном юридическом институте, затем работал в Акмолинске (ныне Целиноград) старшим помощником прокурора области по общему надзору. В 1951 г. был зачислен в аспирантуру Института философии АН СССР, а в 1953 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию «Функция Советского государства по охране социалистического общества в условиях постепенного перехода от социализма к коммунизму».

В 1954—1958 гг. Жандар Туленович работал преподавателем, затем старшим преподавателем, доцентом кафедры диалектического и исторического материализма Алма-Атинской Высшей партийной школы при ЦК Компартии Казахстана, в 1958—1961 гг. — заведующим кафедрой философии КазГосМИ, в 1961—1971 гг. — заведующим кафедрой философии КазГУ им. С. М. Кирова.

В 1962 г. Ж. Т. Туленов успешно защитил в ЛГУ им. А. А. Жданова докторскую диссертацию «Закон как философская категория». В 1963 г. утвержден в звании профессора.

В 1971 г. Жандар Туленович переехал в Ташкент. До 1972 г. работал профессором кафедры философии ИПК преподавателей общественных наук при ТашГУ им. В. И. Ленина, а с сентября 1972 г. и поныне работает заведующим кафедрой философии ТашГПИ им. Низами. С октября 1977 г. по май 1985 г. он одновременно был проректором этого Института по научной работе.

В 1984 г. Ж. Т. Туленов был избран членом-корреспондентом АН УзССР.

Жандар Туленович — крупный специалист в области диалектического материализма, хорошо известный своими оригинальными трудами по теории материалистичес-

кой диалектики не только в Узбекистане, но и далеко за его пределами. Он — автор около 250 научных работ, в числе которых — 19 монографий, 26 брошюр, 34 сборника научных трудов и свыше 150 журнальных статей, общим объемом более 350 п. л. Среди них — такие труды, как «Закон как философская категория» (1959), «В. И. Ленин о категориях диалектики» (1968), «Система законов и категорий диалектики» (1974), «Диалектика и научное познание» (1977), «Проблема гибкости категорий в марксистской диалектике» (1981), «Диалектика и стиль научного мышления» (1983), «Взаимосвязь категорий диалектики» (1986) и др.

Ж. Т. Туленов — руководитель авторских коллективов ряда учебников и учебных пособий, по марксистско-ленинской философии, редактор и соавтор коллективных монографий, подготовленных с участием видных ученых Москвы и других центральных городов страны. Отдельные труды его опубликованы за рубежом на румынском, немецком и английском языках.

По инициативе Ж. Т. Туленова в Ташкенте был проведен ряд всесоюзных научно-теоретических конференций по проблемам диалектики и логики современного научного познания. Он был участником IV (Бухарест, 1971), VII (Зальцбург, 1983), VIII (Москва, 1987) Международных конгрессов по логике, методологии и философии науки, а также ряда других научных форумов, проведенных в нашей стране и за рубежом.

Жандар Туленович проявляет большую заботу о подготовке философских кадров высшей квалификации. Под его научным руководством подготовлены и защищены 6 докторских и более 60 кандидатских диссертаций.

Весьма плодотворна и его педагогическая деятельность, отмеченная почетными знаками «Отличник просвещения СССР», «Отличник народного просвещения Узбекской ССР» и др.

Чл.-кор. АН УзССР Ж. Т. Туленов ведет также большую научно-организационную работу. Он — член бюро Отделения философских, экономических и юридических наук АН УзССР, председатель специализированного Совета ТГПИ им. Низами по защите кандидатских диссертаций по диалектическому и историческому материализму и научному коммунизму, член специализированного Совета Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР по защите докторских диссертаций. Он является также заместителем главного редактора журнала «Общественные науки в Узбекистане», на страницах которого опубликован целый ряд его статей.

Член КПСС с 1949 г. Ж. Т. Туленов активно участвует в общественной жизни. Он является членом секции Совета содействия научно-техническому прогрессу при ЦК КПУз, принимает деятельное участие в пропаганде научных знаний в массах.

Заслуги Ж. Т. Туленова в развитии науки и подготовке кадров высоко отмечены партией и правительством. Он награжден орденом Трудового Красного Знамени, четырьмя медалями; в 1973 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Узбекской ССР», а в 1981 г. за цикл работ по теории диалектики ему присуждена Государственная премия Узбекской ССР им. Беруни в области науки и техники.

Горячо поздравляя Жандара Туленовича с 60-летием, научная общественность республики желает ему крепкого здоровья, долгих лет жизни, счастья и новых творческих свершений на поприще советской философской науки.

Э. Ю. Юсупов, Г. А. Абдурахманов, М. М. Хайруллаев, М. Б. Баратов, Х. Х. Халияров, С. Д. Зияев, С. П. Турсунмухамедов, Б. В. Луни, Т. С. Саидбаев, К. И. Иванова, В. С. Никитченко, С. Ш. Шермухамедов, З. Д. Давранов, С. Камилова, М. Хасанов

УТВЕРЖДЕННЫЕ ТЕМЫ ДОКТОРСКИХ И КАНДИДАТСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ ПО ФИЛОСОФИИ И НАУЧНОМУ КОММУНИЗМУ

Докторские диссертации:

1. Абдуллаев Т. У. (ФерГПИ).— Диалектика национального и интернационального в процессе совершенствования социалистического быта.
2. Алиев М. (ТГИК).— Киноискусство как важнейший фактор формирования личности социалистического типа.
3. Ганьева М. Х. (ТашГУ).— Диалектика изменений в структуре рабочего класса и повышение его социальной активности.
4. Саматов Ш. Б. (Термезский ГПИ).— Об особенностях развития национальных культур народов СССР в условиях развития социализма.
5. Султанова И. С. (ТашИИЖТ).— Закономерности возрастания социальной активности женщин в условиях развития социализма.
6. Таджиев С. (Каршинский филиал ТИИИМСХ).— Возрастание роли научно-технического прогресса в совершенствовании национальных отношений социалистического общества на современном этапе.

Кандидатские диссертации:

1. Ахмеджанов К. (ТГПИ).— Особенности становления социалистического быта в условиях некапиталистического пути развития.
2. Ахмедова С. Д. (ТашГУ).— Методы научного исследования и проблемы истинности знания.
3. Вечканов В. Э. (ТГПИ).— Принцип историзма в социальном познании.
4. Давлатов С. (БухГПИ).— Роль научно-технического прогресса в формировании научно-материалистического мировоззрения тружеников села в условиях социализма.
5. Джумаев Б. Б. (ТГПИ).— Роль студенческого самоуправления в формировании активной жизненной позиции будущих специалистов.
6. Жураев С. (ТашГУ).— Возрастание роли комсомола в ускорении социально-экономического развития общества.
7. Лазарева В. П. (Таш. гор. отд. Общества охраны природы Узбекистана).— Социально-этические проблемы охраны окружающей среды (На материалах УзССР).
8. Мажидов М. Ф. (ТГПИ).— Формирование социально-активной личности в системе высшего педагогического образования.
9. Матчанова Х. З. (ТГПИ).— Исторический факт в структуре социального познания.
10. Мухаммадиев Н. Э. (ТВШ МВД СССР).— Социалистическое соревнование как школа воспитания тружеников села в условиях развития социализма.
11. Назаров К. (ТашСХИ).— Формирование трудовой активности молодежи в условиях коллективного подряда.
12. Сабиров Н. (ФерГПИ).— Интернационализация культуры села и развития социалистического быта.
13. Убайдуллаев А. А. (ТИТЛП).— Проблема прекрасного в эстетике Г. В. Плеханова.
14. Чулпиев П. (ИФП АН УзССР).— Преимственность и ее роль в развитии культурных традиций.
15. Шермухамедова Н. А. (ТашГПИ).— Влияние диалектико-материалистического мировоззрения на стиль мышления ученого.
16. Юлдашева Д. (ИФП АН УзССР).— Интернационализация духовной жизни — ведущая тенденция в развитии наций и национальных отношений в СССР.

Утверждено Республиканским | координационным
Советом по философии и научному коммунизму.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 1987 ГОД

ПЕРЕДОВЫЕ

За торжество идей Великого Октября	11	3—4
От редакции	1	5—6
Обсуждаем проект Закона СССР о государственном предприятии (объединении)	3	21—28

СТАТЬИ

Абдуллаев Р. Х. Методологические проблемы экономической оценки ресурсов недр как элемента национального богатства.	4	3—7
Агзамходжаев А. А. О перестройке государственного управления народным хозяйством в свете решений июньского Пленума ЦК КПСС	8	29—34
Агзамходжаев С. Участие УзССР в международном сотрудничестве СССР в области здравоохранения	2	30—34
Акбаров Д. О развитии топливно-энергетического комплекса и энергосбережения в народном хозяйстве ККАССР	6	9—12
Аминова Р. Х. Историческая веха в решении женского вопроса в Узбекистане	5	3—9
Аминова Р. Х. Рост творческой активности женщин Советского Узбекистана	3	29—36
Аренберг Р. Г. Перестройка и адвокатура	8	42—46
Ахунди М. Н. О научных основах региональной инвестиционной политики	10	16—22
Балтаев А. Р. Совершенствование деятельности Советов народных депутатов в условиях дальнейшего углубления социалистической демократии	8	35—41
Бедринцев К. Н. Региональные проблемы развития экономики УзССР в народнохозяйственном комплексе Средней Азии	3	5—14
Бернштейн Д. И. Правовые аспекты борьбы с нетрудовыми доходами	7	33—42
Валиев А. К. Великий Октябрь и интернациональная взаимопомощь народов СССР в подготовке кадров	7	3—9
Вахабов М. Г. Еще раз об Андижанском восстании 1898 года.	7	43—57
Волохонская Ф. Г. Роль прогрессивной интеллигенции в общественно-политической жизни Пакистана	4	18—25
Гельдиева А. Ч. Сущность переходных форм общественного прогресса в условиях некапиталистического развития народов Средней Азии	11	21—29
Дурдыев Т. Узбекистан — Туркмения: узы братской дружбы.	10	3—7
Егоров С. А., Саидов А. Х. Конституция СССР в тенденциозном освещении американских «советологов»	10	8—15
Зайченко Ж. А. Классовая борьба в узбекском кишлаке в ходе раскрепощения женщин	9	11—19
Зальцман Л. Становление нового образа жизни женщин Советского Узбекистана	7	10—15
Зинин С. И. Воплощение ленинской языковой политики в Узбекистане	11	37—43
Зиядуллаев С. К. Проблемы долгосрочного прогнозирования развития производительных сил Узбекистана	2	3—13
Зияев Х. З. О социальной сущности Андижанского восстания 1898 года	7	57—63

Золотарев Э. Л., Сокоvníн В. И. Экология и экономика	7	16—25
Искандеров И. И. О диалектике соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил	1	6—17
Ишанов А. И. Перестройка и дальнейшая демократизация Советского государства	12	3—11
Кабулов А. А., Алимов К. А. О роли сети вычислительных центров в повышении эффективности управления народным хозяйством	6	5—8
Камалов С. К., Кабулов С. К., Золотарев Э. Л., Рафиков А. А. Антропогенное опустынивание Приаралья и проблемы преодоления его негативных последствий	4	8—11
Камиллов К. Проблемы совершенствования социалистического самоуправления народа в свете решений XXVII съезда КПСС	6	13—20
Каюмов А. П. Во имя грядущего (Мысли вслух)	5	30—33
Котляков В. М., Кузнецов Н. Т., Кесь А. С. Итоги изучения антропогенного опустынивания Приаралья и значение их при разработке перспектив развития ККАССР	10	23—27
Ле Винь Куок. Октябрь во вьетнамской литературе	9	3—10
Лукинов И. И. Идеи Октября и развитие общественных наук в Украинской ССР	8	3—10
Мартынов С., Юлдашев А. Укрепление связей советских и индийских ученых	8	60—61
Пономарев Ю. А. Научно-информационную и контрпропагандистскую работу — на уровень современных требований (Опыт и перспективы работы ЦНИОН АН УзССР)	4	12—18
Рабич Р. Г. Великий Октябрь и изменение социальной структуры крестьянства Узбекистана	11	30—37
Рахимбабаева Т. Р. Из истории ликвидации неграмотности женщин Узбекистана	8	47—53
Рахимов Э. Д., Кадыров А. М. Продовольственная программа и пути ее решения в условиях Узбекистана	8	11—20
Рустамов Ш. З. Конституционные принципы организации и деятельности комсомола	2	23—29
Салыков К. Основные направления дальнейшего развития производительных сил Каракалпакской АССР	2	14—22
Саркисянц Г. П. О повышении качества протоколов судебных заседаний по уголовным делам	6	30—44
Убайдуллаева Р. А. Перестройка и вопросы улучшения условий труда и быта женщин	5	18—24
Умурзакова О. П. «Худжум» и становление новых семейно-бытовых традиций	5	24—30
Умуров Т. Понятие общественного порядка и вопросы его укрепления	1	32—39
Уразаев Ш. З. Воспитание правовой культуры	3	37—45
Файзуллаев А. Ф. Разработка проблем теории материалистической диалектики и философии естествознания в Узбекистане	7	26—33
Хамраев Н. Р. О развитии водохозяйственного комплекса Узбекистана на базе имеющихся водных ресурсов	5	34—41
Хасанов М. Х., Калошин П. Н., Файзиев А. А. Закономерности развития форм выделения объектов в материалистической диалектике	2	35—42
Хашимов И. М. Развитие советско-индийского сотрудничества	8	54—59
Чеботарева В. Г. Актуальные проблемы повышения социальной активности женщин в современных условиях	5	9—18
Шепелев В. М., Султанов А. К. Проблемы экономического стимулирования научно-технического прогресса на промышленных предприятиях	12	12—17
Ширматова Г. Интернациональный характер роста самосознания социалистических наций	6	21—30
Эрбутаева У. С. Некоторые вопросы участия женщин в механизации хлопководства Узбекистана (1976—1980)	1	40—45
Эрназаров О. Правомочия РАПО как юридического лица	9	20—26
Юриц А. О восстановлении экономического потенциала и проведении природоохранных мероприятий в дельте Амударьи	8	21—28
Юсупов Э. Ю. Развитие общественных наук — на уровень современных требований	11	5—21
Юсупов Э. Ю., Лукин Б. В. Андижанское восстание 1898 года в советской исторической литературе	1	18—31
Ядгаров Д. С. Вопросы интенсификации и рационального использования основных фондов Каракалпакской АССР	3	15—20
Якубов С. А. Системность правовых явлений и категорий правосубъектности в советском гражданском процессе	9	26—33

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Абдуллаев Р. Х. Об экономическом характере конечного продукта воспроизводства ресурсов недр	10	28—29
Абдулхамидов А., Исамиддинов М. О кырижном орошении Ферганы	12	27—30
Абдуразаков А. А. Состояние и перспективы сохранения археологических памятников в Узбекистане	3	62—66
Адизова Т. М., Душабаев З. Р. Опыт изучения удовлетворенности рабочих стилем руководства мастера	4	26—29
Адылов Н. Д. Трезвость — норма нашей жизни	7	64—65
Алламуратов А. Медная привеска гильтшалгыш	12	30—33
Арипова Г. Р. Отсрочка исполнения приговора несовершеннолетним и ее значение в перевоспитании правонарушителей.	1	46—48
Ахмедов А. Сведения о тюркских народностях в трудах Хорезми.	3	58—62
Ахмедова Т. Отражение древних семейных обычаев и обрядов в дастане «Алпамыш»	2	58—60
Ахунбабаев Х. Г., Реутова М. А. Консервационные работы на городище Афрасиаб	2	60—63
Аюпов А. Создание Академии наук Демократической Республики Афганистан	5	52—53
Бабаджанова А. Х. Становление научного библиотековедения в Советском Туркестане (Создание «Десятичной библиографической классификации»)	3	53—55
Бекаева Д. К. Из истории создания и деятельности Ассоциации прогрессивных писателей Индии	1	48—51
Бродский М. И. О кадровой политике Компартии Узбекистана в области государственного строительства в годы первой пятилетки	12	22—27
Гентшке В. Л. Октябрьский призыв 1927 года и укрепление пролетарской основы парторганизаций республик Средней Азии.	11	49—52
Заднепровский Ю. А., Матбабаев Б. Х. К вопросу о хронологии и периодизации культуры раннежелезного века на территории Узбекистана	1	51—55
Ирисов А. Художественно-научное наследие Ибн Сины	9	43—44
Исламов У. И., Крахмаль К. А. Древнепалеолитические орудия труда из Ферганской долины	4	34—35
Исмаилов Ф. Ю. Категория преемственности и ее роль в духовном развитии личности	3	46—48
Каграманов А. Г. Эффективность дополнительных наказаний при применении законов об усилении борьбы с нетрудовыми доходами	5	42—47
Касымов Б. Э. Некоторые правовые проблемы охраны социалистической собственности от пожаров	8	65—67
Климов С. Н. К истории военного строительства в ХНСР и БНСР	2	43—47
Косухина Л. И. Возрастание роли театральной культуры в духовном развитии трудящихся Узбекистана (1960—1975)	6	55—58
Кочнев Б. Д. К истории Ташкентского оазиса конца X века	6	62—64
Кощанов Б. А. Об изучении и издании листовок периода Октябрьской революции и гражданской войны в Туркестане	11	52—55
Левушкина С. В. О возникновении шелководства в античной Бактрии	9	44—47
Мартынов С. Вопросы онтологии суфизма в западном исламоведении	2	54—58
Махкамов А. Торговые отношения Коканда с Россией во второй половине XIX века	3	55—58
Махмудова Т. Я. Значение национально-русского двуязычия в коммунистическом воспитании трудящихся	6	53—55
Мачин Г. В. Из истории шефства рабочих Ташкента над колхозным кишлаком в годы второй пятилетки	9	34—38
Мирсаатов Т. М. О культурно-хозяйственных типах в неолите Средней Азии	10	38—42
Михалева Г. А. Несколько страниц из истории русско-среднеазиатских отношений периода Отечественной войны 1812 года.	9	38—40
Мухамеджанов А. Р. К этимологии топонимов «Кўқанд» и «Хўжанд»	7	65—67
Надточий О. П. Из истории участия югославянских интернационалистов в упрочении Советской власти в Туркестане	11	46—49
Пулатов Х. П., Сулайманов К. С. Участие УзССР в научно-технических связях СССР с капиталистическими странами (60—70-е годы)	8	62—65

Реука Г. А. Роль научно-технических обществ в укреплении связей науки с производством в промышленности УзССР (1971—1985)	6	48—53
Савуров М. Д. Об изменениях в антропонимии в Узбекистане советского периода	8	67—69
Садыхова Н. С. Реликвии периода Октябрьской революции и гражданской войны в Музее истории народов Узбекистана	11	55—57
Саиджалалова Р. К истории торговых отношений Бухарского эмирата с Казастаном (вторая половина XIX — начало XX века)	4	32—34
Саидов Р. А. Из истории сравнительного правоведения в России	2	51—54
Турсунов Қ. М. О преодолении социально-экономических противоречий в кишлаке в переходный период	4	29—32
Усманова Н. Х. Участие комсомола Советского Узбекистана в освоении Российской Земли Черноземья	11	44—46
Хабибуллаев Н. Н. К истории бумажного производства в Средней Азии феодальной эпохи	9	40—43
Хаецкий А. П. Из истории сотрудничества Украины и Узбекистана в развитии науки и культуры (1945—1960)	3	48—53
Хамидов Г. М., Абдуллаев Т. У. Культура сельского быта и формирование разумных потребностей личности	10	34—38
Хамраева Г. Об изучении традиционной и современной узбекской хореографии	2	47—51
Хасанов Н. А. Укрепление экономического сотрудничества народов Средней Азии (Вторая половина 70-х годов)	6	45—48
Шадиев К. Қ. К критике концепций буржуазных «советологов»-исламоведов	5	47—52
Шафир В. В. Некоторые проблемы совершенствования законодательства о надрах республик Средней Азии и Казахстана	10	29—34
Эргашев Б. Х. Из истории идеологической работы Бухарской Компартии (1920—1924)	6	58—62
Эшанкулов М. Укрепление материально-технической базы сельскохозяйственного производства в Ферганском экономическом районе	12	18—22

ВСТРЕЧИ ЗА «КРУГЛЫМ СТОЛОМ»

Лунян Б. Обсуждение актуальных проблем исторической науки в Узбекистане	12	33—42
---	----	-------

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

Курбанов Г., Парастепанах М. Новые поступления Бухарского музея	1	55—56
---	---	-------

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ВУЗОВ

Акмурадов Т. А., Абидов К. Г., Низамов Б. Н. Об атеистической работе среди студентов Бухарского госпединститута	4	44—46
Гентшке Л. В., Мартиновская М. Э. О новой Программе вузовского курса «История КПСС»	6	64—66
Шарифходжаев М. Изучение политической экономии — на уровень новых задач	4	35—44
Якубова С. И., Каримова А. М. О роли преподавания общественных наук в этическом воспитании студентов медицинских вузов Узбекистана	1	56—59

В ПОМОЩЬ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ РАБОТЕ ВУЗОВ

Туленов Ж. Специфика познания социальной действительности	12	42—49
---	----	-------

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Нирша В. М. Шихабуддин Сухраварди и его трактат «Дары познаний»	12	49—52
---	----	-------

ИСТОРИОГРАФИЯ

Зияев А. К истории изучения в Узбекистане жизни и творчества Абул Касыма Фирдоуси	8	69—72
Ланда В. Л. Вопросы социалистического переустройства сельского хозяйства в советской историографической литературе	4	46—50

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ахмедов Б. А. <i>А. Джалилов</i> . Из истории каракалпаков XIX — начала XX вв. (На основе государственного архива Хивы)	8	72—73
Ашрафян К. З. <i>Р. Г. Мукминова</i> . Социальная дифференциация населения городов Узбекистана в XV—XVI вв.	1	59—62
Валиев А. К. <i>Дильбар Алиева</i> . Современная американская социология	10	43—46
Песня Я. Е., Саркисянц Г. П., Якубов С. А. <i>Ш. Ш. Шахрамедов</i> . Гражданское процессуальное право Узбекской ССР.	10	42—43
Хуршут Э. Письмо в редакцию	5	53—59

НОВЫЕ КНИГИ

Абдумаджидов Г. А., Б. Г. <i>Алимджанов</i> , В. М. <i>Вальдман</i> . Компетенция эксперта в уголовном процессе (Теоретические и практические аспекты)	2	65—66
Аминова Р., Хасанов М. А. А. <i>Голованов</i> . Сельскохозяйственные рабочие Узбекистана (1946—1961)	12	53—54
Болтаев М. Н. Т. <i>Акмурадов</i> . Формирование научно-материалистического мировоззрения трудящихся	2	66
Быков В. М., Григорьев В. Н., Г. А. <i>Абдумаджидов</i> . Расследование преступлений (Процессуально-правовое исследование)	1	62
Валиева Д. Новое издание «Бабур-наме» на французском языке.	7	67—68
Каракеев К. К., Султаналиев Б. С. С. К. <i>Камалов</i> , В. В. <i>Германова</i> . Москва — Каракалпакстан: история шефства Дзержинского района столицы над автономной республикой. Историко-публицистический очерк	11	57
Б. Л. Н. Е. <i>Бекмаханова</i> . Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в.—1917 г.)	5	60
Л. Л. Опыт идеологической работы Музея по коммунистическому воспитанию трудящихся	7	68—69
Мадраимов А., Мусоев Ш. Кабульское издание писем-автографов Джами	12	54—56
Низамутдинов И. Г. Э. В. <i>Ртвеладзе</i> , А. С. <i>Сагдуллаев</i> . Памятники минувших веков	4	51
Норкузнев С. Б. С. <i>Урдашев</i> . Взаимообогащение социалистических национальных культур: Теория и практика	9	47
Пугаченкова Г. А. Г. П. <i>Матвиевская</i> . Альбрехт Дюрер — ученый (1471—1528)	6	66—67
Рахманов Р., Ганусов Н. Б. <i>Шермухамедов</i> . Социалистическая цивилизация и быт	12	53
Сосновская А. Г. Л. И. <i>Ремпель</i> . Цепь времен: вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии.	8	73—74
Хисамиев Н. Р. Судостроительство в СССР и организация работы суда, прокуратуры и юстиции	4	50—51
Шарипов А. Дж., Казибердов А. Л. <i>Бахманбар ал-Азербайджани</i> . Ат-Тахсил (Познание). Кн. I—III.	9	47—49

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 60-летию И. А. <i>Абдуллаева</i>	2	71—72
К 70-летию Г. А. <i>Ахмедова</i>	1	66—67
К 80-летию К. Н. <i>Бедринцева</i>	4	56—57
К 60-летию П. Г. <i>Булгакова</i>	6	68—69
К 75-летию К. К. <i>Камилова</i>	1	67—68

ХРОНИКА

Аряпов У. М., Бахадиров Р. М. Научная конференция «Великая Октябрьская революция и развитие востоковедения в Узбекистане»	11	58—59
Богомоллов Г. И. Конференция молодых историков Средней Азии и Казахстана	7	69—70
Буряков Ю. Ф. А. А. Аскарлов — зарубежный член-корреспондент Германского археологического института (ФРГ)	3	68
Буряков Ю. Ф., Манылов Ю. П. Всесоюзный форум археологов В редколлекции журнала «Общественные науки в Узбекистане»	5	60—64
Золотарев Э. Л. Выездная сессия АН УзССР по проблемам дальнейшего развития производительных сил Каракалпакской АССР	10	49—52
	1	63—65

Камилов С. С., Кащеева А. В. Научно-теоретическая конференция «Диалектика и современное научное познание»	11	60—61
Кандалова К. П. Выставка в Музее истории народов Узбекистана, посвященная 60-летию «Худжума»	3	66—68
Каримов Р., Черник В. Читательская конференция журнала в ТашГУ	2	69—71
Кнопов Б. И. Научная сессия АН УзССР, посвященная 70-летию Октября	11	58
Кнопов Б. И., Панасенко Э. Д., Пулатов И. Х. Годичные собрания в Академии наук УзССР	4	52—55
Левтеева Л. Г., Цой Е. Т. Новая выставка в Музее истории народов Узбекистана	1	65—66
Мукминова Р. Г. Совещание по проблемам истории Узбекистана феодального периода	12	56—58
Палванова И. П. Республиканская школа-семинар по проблемам совершенствования планового ценообразования	11	59—60
Покачалов Г. А. В Узбекском отделении Философского общества СССР	7	69
Рашидов Г. Р. Музей истории народов Узбекистана к 70-летию Великого Октября	10	46—48
Саидова К. Ф. Научно-теоретическая конференция, посвященная 60-летию «Худжума»	4	55—56
Скрипников Н. К. Научно-практическая конференция правоведов Узбекистана	2	66—69
Султанова Н. К. Выставка в Музее народов Узбекистана	6	67—68
Файзуллаев А. Ф., Каримов Б. Р. VIII Международный конгресс по логике, методологии и философии науки	10	48—49
Хайдаров А. Х. Научная дискуссия по проблемам диалектико-материалистической теории развития	9	49—51
Ходжаева Р. О работе методологического семинара в Институте востоковедения АН УзССР	12	59—60
Мелихон Ахуновна Ахунова (1928—1987)	10	53
Иван Кузьмич Додонов (1900—1987)	7	70—71
Хамид Шарапович Иноятов (1912—1987)	5	65—66
Михаил Григорьевич Пикулин (1905—1987)	1	69
Хабиб Турсунович Турсунов (1913—1987)	1	64—65

МУНДАРИЖА

Партия қарорлари — ҳаётга!

Н. М. Файзиев, Г. И. Аҳмаджонова. Планлаштириш системасида социал омиллар ролининг ошиши ҳақида	3
Г. Юсупова. ЎзССР саноатининг территориал структураси ва уни такомиллаштириш масалалари	7
М. Б. Усмонов. Ойлави пудрат асосида ердан фойдаланиш ҳуқуқи	11
Б. Р. Қаримов. Ривожланиш концепциясида боғланиш ва холислик диалектикаси	17

Илмий ахборот

А. Э. Шайхов. Миср ишчилар кучи — бозорини ўрганишга оид	25
Ж. Я. Илёсов, Д. В. Русанов. Бударча харобасидан топилган ўрта асрларга оид бронза буюмлар хазинаси	27
М. Д. Савуров. ЎзССР ФА Тарих институтининг этнографик экспедициялари.	31

Танқид ва тақриз

Ш. З. Уразаев, С. И. Воробьева, А. Х. Саидов, Д. А. Керимов. Спёсий-ҳуқуқий изланишларнинг фалсафий асослари	31
--	----

Янги китоблар

Сиссоко Фамори, Т. Ширинов. Мовароуннаҳрнинг бронза даврига оид ишлаб чиқариш асбоб-ускунлари ва қурол аслаҳалари	33
---	----

Хроника

Ю. Ф. Буряков, М. И. Филанович. «Қўчманчи халқлар маданияти ва қадимги цивилизациянинг ўзаро таъсири совет-француз симпозиуми	34
Г. А. Покачалов. Социализм шароитида зиддиятли масалаларнинг муҳокамаси	37
Л. Ю. Маньковская. Массон ўқишлари — 81	38
Ж. Т. Туленовнинг 60-йиллигига	39
Фалсафа ва илмий коммунизм бўйича докторлик ва кандидатлик диссертацияларнинг тасдиқланган рўйхатлари	41
Журналнинг 1987 йил мундарижаси	42

СОДЕРЖАНИЕ

Решения партии — в жизнь!

Н. М. Файзиев, Г. И. Ахмеджанова. О повышении роли социальных факторов в системе планирования	3
Г. Юсупова. Территориальная структура промышленности УзССР и вопросы ее совершенствования	7
М. Б. Усманов. Право землепользования на основе семейного подряда	11
Б. Р. Каримов. Диалектика связи и обособленности в концепции развития.	17

Научные сообщения

А. Э. Шайхов. К изучению рынка рабочей силы Египта	25
Дж. Я. Ильясов, Д. В. Русанов. Клад средневековых бронзовых изделий с городища Будрач	27
М. П. Савуров. Этнографические экспедиции Института истории АН УзССР	31

Критика и библиография

Ш. З. Уразаев, С. И. Воробьева, А. Х. Саидов. Д. А. Керимов. Философские основания политико-правовых исследований	31
---	----

Новые книги

Сиссоко Фамори. Т. Ширинов. Орудия производства и оружие эпохи бронзы Среднеазиатского Междуречья	33
---	----

Хроника

Ю. Ф. Буряков, М. И. Филанович. Советско-французский симпозиум «Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций»	34
Г. А. Покачалов. Обсуждение проблемы противоречий при социализме	37
Л. Ю. Маньковская. Массоновские чтения—87	38
К 60-летию Ж. Т. Туленова	39
Утвержденные темы докторских и кандидатских диссертаций по философии и научному коммунизму	41
Содержание журнала за 1987 год	42

НАШИ АВТОРЫ

- Файзиев Н. М.** — кандидат экономических наук, зав. сектором Института экономики АН УзССР.
- Каримов Б. Р.** — кандидат философских наук, ст. научный сотрудник Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР.
- Ахмеджанова Г. И.** — кандидат экономических наук, научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Савуров М. Д.** — кандидат исторических наук, мл. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Юсупова Г.** — зав. аспирантурой СОПС АН УзССР.
- Шайхов А. Э.** — научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Ильясов Дж. Я.** — мл. научный сотрудник Института искусствознания им. Хамзы Хаким-заде Ниязи Министерства культуры УзССР.
- Русанов Д. В.** — мл. научный сотрудник Института искусствознания им. Хамзы Хаким-заде Ниязи Министерства культуры УзССР.

Цена 65 к.

Индекс
75349